

**РУССКАЯ ВОЕННАЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ
ВО ФРАНЦИИ**

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автором настоящей книги является историк-архивист, кандидат исторических наук, член Союза журналистов Прозорова Виктория Борисовна. В ней впервые объектом отдельного исследования являются русские военные учреждения во Франции, исторически сложившиеся в Русскую военную администрацию во Франции (далее — РВАД) на протяжении Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в России.

Как пишет В. Б. Прозорова: «Мы мало знаем, как люди и их группы, организованные по самым разным принципам, находили решения и реализовывали их в сложных, быстро меняющихся условиях. До сих пор немного известно о механизмах принятия решений и об реализации».

Виктория Борисовна приступила к изучению Русской военной администрации во Франции в Первую мировую войну во время учебы в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ). В далеком 1998 г. В. Б. Прозорова защитила дипломную работу «Русская военная администрация во Франции в Первую мировую войну 1914–1918 гг.», с отличием окончила ИАИ РГГУ. Всестороннему освещению деятельности русских военных учреждений во Франции в ее работах способствует не только знание языка и архивной системы Франции, но и наличие у автора французского юридического образования: в 1996–1998 гг. автор обучалась на франкоязычном отделении французского университетского колледжа при МГУ по специальности «публичное право», защитила дипломную работу на степень магистра «Доступ к архивам: российское и французское законодательство в XX веке».

Занимаясь в аспирантуре историей и методикой французского архивоведения, обучаясь по стипендии Президента РФ в 1998–2000 гг. в Государственной школе национального достояния в Париже, а затем работая с 2001 г. в архивной системе Франции, В. Б. Прозорова выявляла во французских архивах и библиотеках документы о деятельности русских военных учреждений во Франции в Первую мировую войну, о жизни А. А. Игнатьева. Дальнейшие работы В. Б. Прозоровой характеризуются глубиной исследовательского потенциала и новаторским подходом. В своей деятельности она следует советам афориста Г. Лихтенберга: «Лучше совсем не изучать, чем изучать поверхностно».

Предлагаемая вниманию читателя работа состоит из пяти глав — от работы Управления военного агента во Франции до начала Первой мировой войны и до ликвидации Русской военной администрации в 1918–1924 гг. Книга снабжена 18 схемами, составленными по данным архивов, наглядно показывающими масштабы работы русских военных учреждений, которые с течением Первой миро-

вой войны с годами увеличивались численно и по функциональному назначению. 1 августа 1914 г. штат Управления русского военного агента состоял из пяти человек, а к концу войны превысил 200 помощников. Читатель имеет возможность ознакомиться с нормативными, распорядительными, мемуарными, публицистическими источниками о деятельности РВАД из русских и французских архивов, впервые публикуемых в приложении к данной работе, и составить по ним свое представление о событиях и людях, упомянутых в исследовании.

Подготовка книги потребовала ознакомиться с сотнями изданий, статей, архивных документов, имеющих отношение к РВАД, причем следует отметить, что большинство документов из фондов французских архивов используются в исследовании по данной теме впервые. Некоторые из них впервые публикуются. Автор по праву считает важнейшими источники мемуарного характера: записки Ф. Ф. Палицына, представителей русской армии в Военном совете союзных армий и воспоминания А. А. Игнатъева — военного агента во Франции.

Но приведенные в работе сведения о деятельности А. А. Игнатъева мы не могли почерпнуть даже в его воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» и хронологии, охватывающей всю жизнь А. А. Игнатъева, в работе В. И. Винокурова «Рыцарь военной дипломатии граф А. А. Игнатъев», написанной в основном по источникам личного происхождения и опубликованным материалам. Среди приложений к работе В. Б. Прозоровой представляет интерес выборочная хронология событий и документов по истории русских военных учреждений и их сотрудников во Франции в 1912–1941 гг. Автор фиксирует наиболее важные даты, связанные с деятельностью военного агента А. А. Игнатъева, представителей главнокомандующего при французской Главной квартире (GrandQG.) Я. Г. Жилинского и Ф. Ф. Палицына, руководителя русской разведки и контрразведки во Франции П. А. Игнатъева, штаб-офицера при представителе Верховного главнокомандующего В. В. Кривенко, представителя Временного правительства при французской Главной квартире М. И. Занкевича, комиссара Временного правительства Е. И. Раппа и других руководителей подразделений, взаимоотношения между которыми рассмотрены в главах работы.

Автор сетует, что, несмотря на большое количество сотрудников, «работа по формированию и контролю над выполнением русских военных заказов после централизации снабжения армии в России наладилась, но с доставкой в Россию изготовленного во Франции вооружения этого не произошло». На качество работы РВАД влияли важнейшие события истории России в Первую мировую войну. Ввиду кризисных явлений в России 1914–1918 гг. 48% (27) подразделений РВАД были образованы без предварительного запроса вышестоящих учреждений. Эти подразделения... унаследовали все полномочия русского военного агента.

На высоком уровне была поставлена русским военным агентом А. А. Игнатъевым аналитическая работа. Без анализа уровня вооружения и техники органи-

зация снабжения русской армии из Франции была бы невозможна. Еще в 1996 г. В. Б. Прозорова отмечала в публикации в № 2 журнала «Исторический архив» вклад руководителя Русской военной миссии при GrandQG В. В. Кривенко в аналитическую работу, его интереснейшие обзоры и донесения, которые не потеряли актуальности и в наши дни.

Аналитические наработки РВАД, несомненно, использовались при изучении уже в советское время опыта Первой мировой войны. Эти документы интересны еще и потому, что отражают процесс вечного вхождения России в Европу, мучительные поиски Россией своего пути, в том числе и пути модернизации. Читатель может задать вопрос: нужно ли России вхождение в Европу? — Большой вопрос. Особенно если учесть введение против России санкций со стороны Запада и оценки России, как его главного противника. Подчеркнём, что изучение наработок РВАД и наследия А. А. Игнатьева могут много принести для ответа на этот важнейший вопрос.

Одним из уроков Первой мировой войны, который Российское государство стремится устранить, заключается в том, что нельзя попадать в прямую зависимость от иностранных поставок в военно-техническом отношении.

Россия в Первую мировую войну не была готова к перенесению военных действий в воздух (авиация) и под воду (подводные лодки). Настигший страну кризис вооружений был далеко не только «снарядным»: России также не доставало ружей, винтовок, втулок для гильз, призматического стекла и др. С начала войны и до лета 1917 г. французская армия не только позволяла производить по «внутренним» тарифам, но и регулярно дарила союзной русской армии вооружение — автомобили, самолеты. Объемы поставок, как показала еще советская историография, были впечатляющими.

Финансовые вопросы, связанные с военными поставками, были в ведении А. А. Игнатьева. Ф. Ф. Палицын вспоминал: «Главная сила военного агента графа Игнатьева была, то, что денежный сундук был в его распоряжении и он мог дать и не дать, ибо для этого не было выработано правил».

Опираясь на многочисленные документы и свидетельства, Виктория Борисовна пишет: «...при этом военный агент своим явочным порядком появившимися полномочиями не злоупотреблял, а использовал их для поддержания нормальной динамики работы по всем направлениям». Но А. А. Игнатьев тем не менее не избежал обвинений в коррупции, отразившихся в компрометирующих его документах.

В 1915 г. штаб-офицер для поручений при представителе Верховного главнокомандующего Я. Г. Жилинском, а затем в 1916 г. сотрудник Заготовительного комитета А. Н. Панчулидзеv написал рапорт о злоупотреблениях А. А. Игнатьева, обвинив последнего «в пренебрежительном отношении к Русской армии, лжи, в закулисных интригах, доносах, клевете».

А в составленном в июне 1918 г. обширном докладе подполковника французской разведки Форишона написано о русском военном агенте следующее: «Якобы у него есть в швейцарских банках депозиты на более чем 20 миллионов, но у меня нет никаких доказательств этому». Хотя Форишон и провел серьезное расследование. Назывались и другие большие суммы. Попытка указать на серьезные недостатки в работе А. А. Игнатъева в своих мемуарах военный юрист Ю. Лисовский. Эти обвинения подробно проанализированы в работе В. Б. Прозоровой.

Интересно, что вместе с Алексеем Алексеевичем Игнатъевым во Франции работал его младший брат Павел Алексеевич. Первый, как известно, находился в должности военного агента, второй — резидента русской разведки и контрразведки.

Несмотря на различные сложности (внутриведомственные конфликты, отсутствие финансовой дисциплины, негативное отношение союзников к русской разведке), к лету 1917 г. в Швейцарии, Голландии и странах Центральной Европы работали шесть самостоятельных резидентур, которыми руководил П. А. Игнатъев. Штабы Юго-Западного и Западного фронтов высоко оценили добытые сведения. Именно агентура П. А. Игнатъева, как подтверждают историки, раздобыла планы укрепрайонов, которые помогли успеху Брусиловского прорыва. За 1914–1918 гг. сотрудники РВАД отправили о противнике в Россию 27 000 шифрограмм.

Уже после Февральской революции работа русской миссии во Франции была поставлена под строгий контроль французских спецслужб, а после Октября она еще более осложнилась. В начале января 1918 г. генералу А. А. Игнатъеву было официально предложено приступить к ликвидации русских разведывательных служб.

При этом русские военные представители, недавние союзники подвергались различным видам дискриминации. Сначала под строгий контроль была поставлена их переписка с Россией и другими странами, затем им было запрещено разговаривать по-русски по телефону во Франции, затем были выставлены условия для финансирования русских войск и учреждений, к значительной части русских воинских контингентов были применены дисциплинарные меры. Об этом нельзя забывать, поскольку и сейчас Совет Европы молчаливо одобряет подобное отношение к русскоязычному населению входящих в него стран. 28 февраля 2021 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров раскритиковал организацию за то, что она не реагирует на дискриминацию русского и русскоязычного населения на Украине и в Прибалтике.

На страницах книги В. Б. Прозорова основательно подвергает анализу деятельность РВАД на протяжении всего периода Первой мировой войны и после ее окончания. Для нее нет мелких или незначительных событий. Автор прекрасно понимает, что в продолжающемся споре об итогах Первой мировой войны все нюансы событий важны для будущих исследователей.

Межличностные отношения внутри РВАД, медицинское обслуживание и снабжение раненых, положение военнопленных на территории Франции, газета «Русский солдат-гражданин во Франции» («Le soldat-citoyen russe en France»), ставшая в 1917 г. фактором дестабилизации Русских бригад, развал дисциплины после Февраля 1917 г. (деполитизация и демократизация армии), подбор кадров для военных представительств и технического персонала, формирование коллектива и корпоративной культуры РВАД, ликвидация Русской военной администрации во Франции в 1918–1924 гг. (отдельная большая глава), борьба за ее архивы, за заготовленное для России военное имущество и многое другое было в ее поле зрения.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин неоднократно высказывался о Первой мировой войне, подчеркивая, что подвиг русской армии, ее солдат долгие годы оставался в забвении, а сама Первая мировая, которую весь мир именует Великой, была вычеркнута из отечественной истории. Сейчас мы возрождаем историческую правду о Первой мировой. Сегодня мы восстанавливаем связь времен, непрерывность нашей истории. Президент также отметил, что «необходима масштабная просветительская работа, серьезные исследования в архивах. Они позволят точно узнать и причины, и ход этой войны». Одно из таких исследований — книга В. Б. Прозоровой. Чтобы понять сколь актуальны такие исследования, необязательно быть историком, достаточно просто оглянуться на прошлое своей семьи, своей страны и стран и людей, вовлеченных в важнейшие события европейской истории в XX в.

Когда началась Первая мировая война 1914–1918 гг., в ее окопах находились три человека, которые впоследствии, каждый по-своему, оказали влияние на ход мировой истории: советский маршал Родион Яковлевич Малиновский, будущий глава фашистской Германии Адольф Гитлер и один из руководителей антигитлеровской коалиции генерал Шарль де Голль. Все они испытали тяготы Великой войны. Малиновский начал войну на берегах Немана, затем был пулеметчиком в составе 1-й Особой бригады русских войск во Франции и в Русском легионе чести. В Великую Отечественную Р. Я. Малиновский прошел тяжелые бои начала войны, Харьков и Сталинград, в 1944 г. стал маршалом Советского Союза, подписал перемирие с Румынией, дошел до Австрии и закончил войну на Дальнем Востоке.

Адольф Гитлер воевал на Западном фронте, затем во Французской Фландрии, едва не погиб во время битвы на Сомме, был тяжело ранен в бедро. Воевал на севере Франции, был доставлен в госпиталь с временной потерей зрения и отравлением (рядом разорвался химический заряд). Узнав о поражении Германии, он не понимал, как Германия могла уступить странам западной демократии.

Шарль де Голль воевал в районе бельгийской границы, в районе Намюра. Это был участок фронта, на который обрушился главный удар немцев. У бельгий-

ского городка Динана он был ранен. Немцы подходили к пригороду Парижа, Франция смогла выстоять благодаря тому, что немецкому командованию пришлось перебросить крупные силы с запада на восток для защиты Пруссии от наступавших русских войск. Во время Второй мировой войны де Голль стал символом Французского сопротивления, являлся основателем и первым президентом Пятой республики (1959–1969 гг.).

Сейчас мировое сообщество задается вопросом: могло ли человечество избежать Первой и Второй мировых войн. Мы не сможем дать ответа на этот вопрос. Существуют аргументы «за» и «против». Заметим, что неизбежности войны способствовали те же выигравшие ее самые высокопоставленные государственные деятели: премьер-министр Франции Жорж Клемансо, ее президент Раймон Пуанкаре по прозвищу Война, которые хотели вернуть Германию в начало XVIII в. Суровые условия Версальского мирного договора стали одной из причин Второй мировой войны.

После Первой мировой войны Россия тоже попала в изоляцию. Запад во всем попустительствовал Гитлеру, он умышленно начинал разумно действовать с очень сильным опозданием. Корни многих событий, приведших ко Второй мировой войне, надо искать в Первой мировой войне, недаром многие историки рассматривают две мировые войны XX в. как единый и взаимосвязанный процесс. И это делает изучение Первой мировой войны, действовавших в ней лиц, учреждений, союзов, структур еще более актуальным.

Великий русский литературный критик В. Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

На это и направлена данная книга Виктории Борисовны Прозоровой, предназначенная не только ценителям мемуаров А. А. Игнатьева, которые найдут в ней новый материал для размышлений, но и всем, интересующимся историей франко-русских отношений, историей Первой мировой и Гражданской войн, историей государственных учреждений России и офицерского корпуса русской армии.

*Киреев Ю. К.,
член Московской городской организации
Союза писателей России, историк
18 февраля 2021 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Как большинству дел человеческих, а в особенности русских дел, и исполнителям их во Франции, справедливый приговор может лишь вынести беспристрастная История и возродившееся наше Отечество.

А. А. Игнатъев

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена изучению одного из важных аспектов франко-русского сотрудничества — деятельности русских военных учреждений во Франции в Первую мировую войну и их ликвидации во время Гражданской войны в России. Первая мировая — кульминационный этап в развитии франко-русского сотрудничества. Это время, когда союз двух держав должен был оправдать свое существование. Столетие спустя, после окончания войны, мы уже достаточно знаем о том, что смогли сделать союзники и какую цену они за это заплатили. Историки сумели заинтересовать широкую публику биографиями известных деятелей этого периода. Военные реконструкторы познакомили многих желающих с отдельными значимыми эпизодами крупных сражений. Музейные комплексы по всей Европе дают нам возможность приблизиться к повседневной атмосфере позиционной войны, попытаться понять, что испытывали люди тогда. Публикации мемуаров и писем с фронта позволяют узнать практически из первых уст, что они чувствовали, что думали. Значительно меньше мы знаем о том, как люди и их группы, организованные по самым разным принципам, находили решения и реализовывали их в сложных, быстро менявшихся условиях фронта и тыла этой действительно Первой во многих отношениях войны. До сих пор немного известно о механизмах принятия решений и об их реализации в деятельности конкретных учреждений.

Военно-политический союз, каковым являлось Сердечное согласие (Антанта), может изучаться в нескольких аспектах: как совокупность внешнеполитических, военных и экономических доктрин в их историческом развитии, как объект и субъект международного права, и в рамках этого подхода как система учреждений, постоянных или временных, межправительственных или международных. Мы предлагаем вашему вниманию именно последний подход.

Русские военные учреждения во Франции привлекли наше внимание неслучайно. Именно они реально воплощали франко-русский военно-политический союз, именно они были средоточием всех его проблем и аппаратом, ежедневно решавшим эти проблемы. Поэтому изучение их деятельности в Первую мировую войну может прибавить к сложившемуся в историографии портрету Антанты несколько новых, а главное — реалистичных, черт.

Объектом данного исследования являются русские военные учреждения во Франции, исторически сложившиеся в Русскую военную администрацию во Франции (далее — РВАД). Мы предлагаем использовать этот термин, а не часто встречающееся в источниках того времени понятие «Русская военная миссия», потому что в 1914–1918 гг. различные военно-дипломатические и военно-технические подразделения принимали на себя последнее название (существовали и «Русская военная миссия при Главной квартире», и «Русская военная миссия в Бресте», и «Русская военная миссия во Франции»), никогда при этом не охватывая всей совокупности юридических и физических лиц, обеспечивающих с территории Франции взаимодействие французской и российской армий. К сожалению, и в археографических и исторических работах¹ последних лет для обозначения «отделов» или «отделений», например Межсоюзнического бюро (МСБ), названных так в нормативных документах, используется калька с французского «миссия», термин крайне неточный, обозначающий на русском языке как «приказ», так и «подразделение» или «учреждение», и однократное служебное «поручение». Введение термина «русская военная администрация во Франции», который в 1918 г. использовали в отношении всех русских военных учреждений во Франции и сами французы², позволяет нам охватить в данном исследовании всю совокупность русских военных учреждений и отдельных должностных лиц, не принадлежащих к составу русских войск во Франции и выполняющих полномочия, изначально доверенные русскому военному агенту³. История русских военных учреждений во Франции ранее не была предметом отдельного исследования, поскольку зачастую не рассматривалась как проблемная.

Дипломатическая предыстория, боевая работа и злоключения двух русских бригад во Франции, которых советские историки и мемуаристы объединили под названием «Русского экспедиционного корпуса» (РЭК)⁴, имеют обширную историографию, из которой можно подчеркнуть информацию о взаимодействии этих бригад с РВАД, но информация об этом затмевает другие аспекты

---

¹ Французская разведка о деятельности П. А. Игнатьева. Документы № 1–93 / пер. и публ. В. Н. Карпова // *Игнатьев П. Моя миссия в Париже* / предисл. к франц. изд. Э. Юнга. М., 1999. С. 171–314; *Беспятова Е.* Экономическая политика России в период Первой мировой войны // *Власть*. 2008. № 1. С. 93–97.

² Archives nationales de France (ANF). F/7/14607 3. Direction de la Sûreté nationale (1876–1966) Espionnage français en Suisse, principalement constitué de notes de Forichon, mais concernant surtout l'attitude des agents russes en France, et tout particulièrement les frères Ignatieff, 1917–1918.

³ SHD. GR7N634. Personnel russe et français (décembre 1918 — septembre 1923). Décisions de principe. Note de l'attaché militaire de Russie au Président du Conseil Ministre de la Guerre du 10.10.1918.

⁴ Термин «Русский экспедиционный корпус» впервые появился в текстах солдатских комитетов уже после отвода бригад с фронта, откуда и перекочевал в мемуары вернувшихся в Россию солдат бригад, хотя многие мемуаристы и военные историки согласны, что бригады не образовывали «экспедиционный корпус», не будучи достаточно автономными в логистическом и тактическом отношении.

деятельности Русской военной администрации, ее собственную историю, которой и посвящена эта книга.

В традициях школы истории государственных учреждений мы рассмотрим:

- полномочия, функции и структуру РВАД во Франции;
- основные направления деятельности РВАД во Франции и основные результаты этой деятельности;
- методы взаимодействия РВАД с французским государственным аппаратом;
- факторы, влиявшие на эффективность взаимодействия РВАД с государственным аппаратом Франции;
- опыт адаптации РВАД к экстремальным условиям работы;
- опыт ликвидации РВАД и сохранения ее архивов и финансовых активов.

Решение этих задач потребовало междисциплинарного подхода и помимо методики исследований истории государственных учреждений, составившей основу этой работы, в ней также применялись методы источниковедческого анализа в традиции школы ИАИ РГГУ, методы реконструкции исторических источников и их комплексов (фондов), методы количественной истории.

Была предпринята попытка реконструкции фондов РВАД по документам НСА РГВИА, РГАЛИ, АВПРИ, Историко-документального управления МИД, Венсенского военного архива (Исторического центра архивов Исторической службы Министерства обороны Франции). При обработке данных по личному составу РВАД применялись техника математической статистики и методы просопографии («изучения характерных черт определенных групп людей на основе их индивидуальных биографических данных») на основании опубликованных и хранящихся в архивах источников, а также подходы к изучению персонала, разработанные научной школой истории государственных учреждений ИАИ РГГУ.

При написании исторической части работы привлекалась в основном российская, но также и зарубежная франкоязычная историческая и специальная юридическая литература, а также отечественные исследования по истории экономики, государственных учреждений, международных отношений, разведки и криптографической службы.

Первые три главы предлагаемой вашему вниманию работы — о деятельности А. А. Игнатьева на посту военного агента до начала Первой мировой войны, о структуре, полномочиях и деятельности РВАД с августа 1914 по ноябрь 1917 г. — написаны достаточно кратко, поскольку по этому периоду существует обширная мемуарная и историческая литература и задача этих глав, прежде всего, не компилируя уже известные читателю тексты, представить эти этапы истории данной системы учреждений и должностных лиц как взаимосвязанный процесс. Главы о личном составе РВАД и о периоде ее ликвидации в ноябре 1917 — январе 1925 г. написаны более подробно, поскольку для освещения

этих проблем привлекались ранее не вводившиеся в научный оборот источники.

Изучение всего комплекса русских военных учреждений во Франции, а не только отдельных аспектов их деятельности, позволяет лучше оценить общее и конкретное, достижения и недостатки в их работе, именно как целого механизма, который эти структуры и составляли в историческом пространстве и времени Первой мировой войны.

Историография Русской военной администрации во Франции

Традиция использования в историографии документов РВАД лишней раз подтверждает, что, как писал талантливый современник наших героев, «лицом к лицу — лица не увидеть»: документы, созданные РВАД, использовались многими исследователями как Первой мировой войны, так и биографий видных деятелей культуры, но число работ, непосредственно рассматривающих проблемы деятельности РВАД во Франции, сравнительно невелико. Работы советского периода затрагивали деятельность РВАД в разной, в основном незначительной степени. Состав использовавшихся для написания этих трудов документов менялся в зависимости от тематики работ, но документы РВАД всегда использовались не очень широко, поскольку основная их масса находилась на секретном хранении.

Когда архивы стали более открытыми, то основной вклад в изучение истории РВАД внесли, как ни странно, исследователи жизни и творчества Н. С. Гумилева И. А. Курляндский и прежде всего Е. В. Степанов. В документальной хронике Е. В. Степанова «Поэт на войне»¹ детально восстановлена биография Н. С. Гумилева во время его службы в РВАД офицером для поручений при комиссаре Е. И. Раппе и показаны, на основе впервые вводимых в научный оборот документов РГВИА, происходившие там во время Куртинской трагедии конфликты интересов и личностей, особенности работы этой группы учреждений между Февральской и Октябрьской революциями, а также в начале 1918 г., при том, что автором «не ставилась задача — изложить всю историю русских военных служб во Франции». Поэтому вполне простительна и субъективная положительная оценка всех лиц, с кем у Н. С. Гумилева сложились отношения, как положительных, а всех, с кем Н. С. Гумилев и его начальники Е. И. Рапп и М. И. Занкевич конфликтовали — как отрицательных, простительны и неточности в наименовании французских структур, с которыми контактировала РВАД. Менее простительны основанные на некомпетентности автора в вопросах военного делопроизводства, истории военных учреждений и франко-русских финансовых со-

¹ Степанов Е. В. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014.

глашений упрёки А. А. Игнатъеву в сокрытии своих рапортов (отложившихся в фонде ГУГШ в РГВИА), и в отказе им финансировать отправку Н. С. Гумилева и других офицеров в Месопотамию деньгами «со своих личных счетов» (на самом деле речь идет о казенном счете военного агента в Банк де Франс, блокированном в описываемый момент по распоряжению Ж. Клемансо). Поскольку, несмотря на указанные недостатки, объяснимые авторской позицией, фокусировкой на самом важном и на судьбе его героя, работа Е. В. Степанова является очень удачной исторической реконструкцией как биографии Н. С. Гумилева, так и контекста его служебной деятельности, то ему удалось сделать ряд интересных находок и выводов по истории РВАД в период работы в ней Н. С. Гумилева.

Вторая группа работ, посвященная вопросам внешней политики и военной дипломатии, воссоздает военно-политический контекст деятельности РВАД. В работе В. А. Емца «Очерки внешней политики России»¹ документы РВАД были использованы очень своевременно и интересно. Автор показывал развитие тех или иных военно-политических концепций МИД и Ставки и, выявляя закономерности их развития, позволял читателям оценить значительный вклад аналитической работы РВАД в их формирование. Исследование о коалиционном сотрудничестве союзников в Первой и Второй мировых войнах, подготовленное специалистами Института военной истории А. М. Лютовым и И. С. Носковым², позволяет оценить общую степень слаженности взаимодействия союзников в Первую мировую войну, и лучше понять особенности функционирования военно-политических блоков в XX в. В данной работе межсоюзнические отношения стран-участниц противоборствующих блоков проанализированы с точки зрения формационного подхода, как случай глобального противостояния двух систем, рассмотрен опыт России по участию в создании руководящих органов Антанты и предложена периодизация истории военного сотрудничества стран Тройственного соглашения. Несмотря на большую ценность предложенной авторами периодизации для изучения истории РВАД, в целом данная работа вскрывает лишь часть причин неудачного опыта строительства руководящих органов Антанты, поскольку не выходит за рамки военной истории и сводит все русское военное представительство во Франции к его дипломатическому персоналу. Некоторые сложности представляет воссоздание по историографии военно-политического контекста деятельности РВАД после Февральской революции. Написанная с привлечением большого фактического материала работа П. А. Жилина «Последнее наступление»³ является очень обобщающей, хотя и содержит интересные интерпретации Петроградской

---

¹ Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.

² Лютов И. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников: по опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988.

³ Жилин П. А. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983.

союзнической конференции 1917 г. и визита в Россию А. Тома и Р. Вивиани. Отличие этой работы от предыдущих в том, что она позволяет приблизиться к пониманию того сложного положения, в котором находились наши западные союзники в 1917 г. В подготовленной на основе докторской диссертации монографии петербургского исследователя франко-российских взаимодействий в Первую мировую войну А. Ю. Павлова «Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)» и предшествовавших ей статьях сделан значительный шаг вперед в преодолении сложившихся в историографии стереотипов, детально проанализировано развитие системы согласования стратегий союзников, но в силу выбранного автором также интересного подхода к проблеме, не показаны достаточно учрежденческие аспекты этого процесса¹. Совместная работа А. Ю. Павлова и французского военного историка полковника Ф. Гельтона «В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны»² позволяет лучше оценить объективные закономерности развития военных представительств в рамках Антанты за время Первой мировой и Гражданской войн на материале российских и французских архивов.

Третья группа работ касается русско-французских экономических отношений в течение Первой мировой войны, а именно проблемы поставок. Работа Н. Валентинова³, так же, как и публикация, подготовленная А. Е. Иоффе, содержат минимум комментариев к приводимым авторами табличным данным, позволяющим оценить специфику франко-русского экономического взаимодействия в Первую мировую войну. Работы А. Л. Сидорова⁴ содержат уже не только систематизированные факты, но и общую оценку ситуации в российской экономике, показывают значение для нашей армии поставок из Франции. Особенно важна для нас данная авторами оценка деятельности русских военно-экономических представительств в Англии, США и Франции по обеспечению русских военных заказов. А. Л. Сидоров дает высокую оценку опыту и результатам работы РВАД в этой области. К счастью, интерес к экономическим аспектам франко-русского военного сотрудничества не ушел в прошлое вместе с со-

¹ Павлов А. Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / С.-Петербург. гос. ун-т, фак. международных отношений. СПб., 2008.

² Павлов А. Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019.

³ Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. // Труды военно-исторической комиссии. М., 1920.

⁴ Сидоров А. Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время Первой мировой войны // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 128–179; Хватит ли у правительства воли?: Военный атташе Франции об июльских событиях 1917 г. в Петрограде // Исторический архив. 1996. № 2. С. 193; Валентинов Н. Сношения с союзниками поставки во время Первой мировой войны // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 128–179; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

ветской эпохой. Но появились новые попытки идеологизации этой темы, для которых характерен отход от принципов историзма, когда общие недостатки центрального государственного аппарата Российской империи выдаются за недостатки в работе органов, занятых заграничными военными заказами, работа военно-морского агента во Франции с заказами рассматривается без учета его включенности в РВАД, а вся история работы с военными заказами сводится к попыткам создания современного Рособоронэкспорта¹. В отдельных современных работах по истории вооружения, родов войск или соединений русской армии в Первую мировую войну убедительно было показано большое значение поставленного из Франции вооружения, оружия и экипировки. К счастью, появляются и серьезные работы, такие как коллективная монография «Порох, золото и сталь», которая не только вывела историю военно-технического сотрудничества в Первую мировую за рамки более узкой темы «снарядных кризисов» и рассмотрела этот вопрос как аспект истории глобализации, но, и как справедливо написал координатор, «ликвидировала важные пробелы в истории военно-технического сотрудничества России в период войны»². Основанная на богатом архивном материале, монография позволяет лучше оценить успехи РВАД, и в частности А. А. Игнатьева в работе с военными заказами, сравнительно с подобной работой, проводившейся в Великобритании, США и Японии.

Из обширной историографии Русских бригад, отправленных во Францию, получивших в советской историографии не вполне оправданное название Русского экспедиционного корпуса (РЭК), для изучения истории РВАД интерес представляют работы, освещающие административные, организационные и логистические вопросы их истории, поскольку решение именно этих вопросов в отношении дислоцированных во Франции российских подразделений и было возложено в разное время на различных должностных лиц и на учреждения РВАД. В работе Ю. Н. Данилова³ по истории Русских бригад, написанной с использованием документов Венсенского архива Военного министерства Франции, вкратце перечислены мероприятия по подготовке к размещению бригад во Франции (организация медицинского обслуживания, строительство лагерей для переобучения). Эта деятельность РВАД резко отрицательно оценена А. Е. Иоффе в работе «Русско-французские отношения в 1917 г.»⁴. Это достаточно закономерно, так как Иоффе в сво-

---

¹ Федулов С. В. Формирование системы военно-технического сотрудничества и ее развитие в новых политических условиях 1917–1920 гг.: к 100-летию создания Рособоронэкспорта // Военно-исторический журнал. 2017. № 4. С. 50–57; Станкевич Н. А., Федулов С. В. Создание и развитие системы военно-технического сотрудничества Российской империи, СССР с западными странами в 1890–1950 годы // Труды военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2016. № 651. С. 233–239.

² Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / А. А. Малыгина, Э. Гринхал, Н. А. Власов и др.; науч. ред. А. Ю. Павлов. СПб., 2017. С. 5.

³ Данилов Ю. Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах (по материалам архивов французского Военного министерства). Париж, 1933.

⁴ Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь). М., 1958.

ей работе опирался на воспоминания солдат, а не на организационно-распорядительные и отчетные документы военных ведомств России и Франции.

Новым этапом в освещении работы РВАД с русскими особыми бригадами стали публикации С. С. Поповой по их истории. И опубликованные ею документы и статьи¹, отличающиеся тонким анализом документов из разных архивов освободили историю Русских бригад от идеологических клише и показали, что их история, разворачивавшаяся в эпицентре мировых политических и военных событий той поры, содержит богатый материал для вдумчивых исследователей. В русле этой новой тенденции появились статьи и диссертации А. Ю. Павлова², а затем М. К. Чинякова³, подробно рассмотревшие без идеологических клише и в связи со сложным контекстом происходившего на французском фронте и во взаимоотношениях союзников историю этих бригад.

Для понимания общего направления развития русских военных учреждений в изучаемый период много дают исследования по истории отдельных учреждений и групп персонала. Если статьи Н. Н. Жмурова и Г. А. Кавтарадзе⁴ с точки зрения изучения истории РВАД интересны как иллюстрации общих закономерностей развития военного аппарата в предвоенный период и в Первую мировую войну, то монография А. С. Сенина «Военное министерство Временного правительства» и подготовленные им учебные пособия⁵ содержат ряд интересных обобщений о характере децентрализации военного управления и методах его преодоления в центральных учреждениях.

Рассмотрим пятую группу работ — основные научные труды и научно-популярные публикации по истории разведки. В работах российских исследователей, как правило, дается оценка деятельности разведывательных органов, которые курировали различные подразделения РВАД в 1914–1918 гг. В зарубежных — оценка эффективности как деятельности союзных разведок, так и их взаимодействия во время Первой мировой и Гражданской войн.

---

¹ В плену у союзников. О положении русских солдат и офицеров во Франции / пер. и публ. С. С. Поповой // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 37–39; *Попова С. С.* Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России // Россия и Франция: XIII–XX века. М., 1995. С. 196–216.

² *Павлов А. Ю.* Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; *он же.* Русские войска во Франции во время Первой мировой войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 92–97.

³ *Чиняков М. К.* Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁴ *Жмуров Н. Н.* Организация Ставки Верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С. 122–128; *Кавтарадзе А. Г.* Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1972. № 7; 1974. № 12; 1976. № 3.

⁵ *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995; *он же.* История российской государственности: учеб. пособие для студентов сред. спец. учеб. заведений. М., 2003; *Коржихина Т. П., Сенин А. С.* История российской государственности. М., 1995.

Первый в этом ряду — написанный «для служебного пользования» советских военных разведчиков, с привлечением архивов Генерального штаба и некоторых изданных мемуаров, двухтомник К. К. Звонарева (К. К. Звайгзне) «Агентурная разведка» (1931 г.)¹, триумфально вернувшийся в постсоветскую историографию. Его автор хорошо знал фронтовую разведку Первой мировой и Гражданской войн и работу военных атташе в период постепенного выхода Советской России из политической изоляции.

К. К. Звонарев обобщил опыт фронтовой разведки и зарубежных резидентур начала XX в., разобрал работу русской агентурной разведки в Европе, — инструкции, бюджеты, основные успехи и неудачи, — крайне низко оценив разведывательную работу официальных военных агентов в 1914–1917 гг. Возможно, перед ним стояла задача дискредитации разведсетей полковников С. А. Голованя и П. А. Игнатъева в Швейцарии, выявивших связи В. И. Ленина и большевиков с германской разведкой (непосредственно или через швейцарских социал-демократов). Оставим вопрос об агентурных и финансовых средствах большевиков историкам коммунистической партии. Отметим лишь, что идеологическая борьба и историографические дебаты по этому вопросу отразились в весьма субъективных оценках К. К. Звонаревым работы русских разведчиков в Швейцарии в Первую мировую войну. Эта оценка тенденциозна уже потому, что сделана только по документам ГУГШ: из 26 русских военных агентов лишь А. А. Игнатъев привезет в Россию свой служебный архив, причем уже после расстрела автора двухтомника. Публикаторы репринтной версии «Агентурной разведки» К. К. Звонарева рискнули исправить эту историческую несправедливость, снабдив некоторые переиздания возвращенными Францией после 1994 г. документами французской контрразведки о разведсети и работе братьев А. и П. Игнатъевых, изданными В. А. Авдеевым и В. Н. Карповым. Жаль, что К. К. Звонарев считал архивный фонд точным и полным отражением даже не делопроизводства, а самой деятельности ГУГШ, отрицая не задокументированные факты и явления. Так, не обнаружив плана мобилизации агентурной сети в Западной Европе, он решил, что такого плана не было, хотя, скорее всего, его составили раньше сохранившихся планов для агентурной сети Дальнего Востока.

Этот пример показывает, как важно для качества историографии знакомство историков с закономерностями формирования архивных фондов и особенно отсутствие тайных архивов. К концу XX в. в разных странах сложились нормы, по которым документы и описи могут быть на секретном хранении (включая «вечную секретность»), но само их существование известно и историкам, и гражданскому обществу, что позволяет избегать окончательных оценочных формулиро-

---

¹ Звонарев (Звайгзне) К. К. Агентурная разведка. Т. I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев, 2005. (Спецслужбы в войнах XX в.)

вок и допускать определенную «непредсказуемость» прошлого и его интерпретаций. Поэтому своевременное информирование научного сообщества о раздробленных фондах и о комплементарных источниках имеет решающее значение в формировании сбалансированного историографического дискурса.

В «Очерках истории внешней разведки»¹, подготовленных с привлечением большого количества мемуарной литературы и архивных источников, содержатся сведения об организации разведывательных органов Антанты, дается оценка методов их работы, приводятся интересные примеры. Кроме того, изложенная в этой работе концепция реформы русской разведки в 1916 г. позволяет говорить о вкладе аналитической работы РВАД в подготовку данной реформы. Монография Т. А. Соболевой по истории криптографической службы России, написанная по материалам АВПРИ, содержит оценку применявшихся русскими военными учреждениями в этот период криптографических методов защиты информации².

В публикациях по истории разведки 1990–2020 гг. содержится много интересного материала, в том числе из рассекреченных архивных документов. Но эти книги в большинстве своем научно-популярные, несмотря на интересные обобщения, содержат досадные неточности в написании фамилий и должностей упоминаемых в них лиц: те, кто интересуется историей разведки, знают, что «Гартинг» (в работах А. Колпакиди) и «Хартинг» (в подборке документов В. А. Авдеева) — два написания фамилии одного и того же лица, и что военным агентом во Франции в Первую мировую войну был Алексей Игнатьев, а не его младший брат Павел³, курировавший русскую разведку в МСБ. Отсутствие качественной редакции — общая беда многих исторических трудов постсоветского периода, не исключая и работы автора, когда историки разрываются между зарабатыванием куска хлеба насущного и изучением в оставшееся время действительно интересных им тем.

В сборнике Андриянова и Долгополова «Элита русской разведки» (2005)⁴ отдельная глава посвящена П. А. Игнатьеву. В ее начале авторы не оспаривают критической позиции Звонарева, когда констатируют, что «начало Первой мировой войны показало, что российская разведка к ней не готова», но затем они рассматривают, как именно преодолевались последствия этой неготовности совместными усилиями руководящих органов военного ведомства и фронтов, и сколь значительную роль в создании работавших на Россию разведывательных сетей в Западной Европе сыграл П. А. Игнатьев.

¹ Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / под ред. Е. М. Примакова. Т. 1. От древнейших времен до 1917 г. М., 1995.

² Соболева Т. А. Тайнопись в истории России: история криптографической службы России в XIII — нач. XX в. М., 1994.

³ Колпакиди А. И., Север А. М. Спецслужбы Российской империи. М., 2010. С. 511.

⁴ Элита русской разведки: дела этих людей составили бы честь любой разведке мира / [сост. В. И. Андриянов, Н. М. Долгополов]. М., 2005.

За рубежом, по вполне понятным причинам, фундаментальная история разведок Первой мировой войны еще не написана, но в работах военных историков Франции, Великобритании, Германии, Италии и США сделаны серьезные шаги в этом направлении. Здесь, прежде всего, нужно указать публикации полковника французской армии Фредерика Гельтона¹ и несколько научных конференций, организованных при его участии. Определенный интерес представляют работы французского военного историка Микаэля Бурле, кандидатская диссертация которого была посвящена экономической разведке в рамках МСБ. В опубликованной во французском «Историческом журнале армий» статье подполковника итальянской армии Филиппо Капеллано 2008 г. «Отношения итальянской и французской армий во время Великой войны»² проанализирована история франко-итальянского сотрудничества в рамках Антанты в Первую мировую войну. Наибольший интерес для нашей темы представляет история итальянских разведслужб во Франции и органов связи между союзными командованиями.

Особое место в историографии РВАД занимает клеветническая по настрою автора, но, к счастью, тенденциозная по подбору источников и слабая по аргументации статья А. В. Ганина «Любимые женщины братьев Игнатьевых»³, основанная на рапорте А. Н. Панчулидзева и интерпретации опубликованных мемуаров военного юриста Ю. Лисовского. Она заслуживает упоминания, поскольку А. В. Ганин выявил слабо изученные и доступные для мифологизации аспекты деятельности А. А. Игнатьева и возродил интерес к его личности и деятельности среди серьезных историков, не намеренных допускать клевету в пространство общественного сознания и профессионального дискурса.

В последние годы очень большой вклад в популяризацию мемуаров А. А. Игнатьева и в привлечение внимания к его вкладу в историю России вносят Ассоциация выпускников ВИИЯ и Лига военных дипломатов, в особенности ее вице-президент, профессор Дипломатической академии МИД России Владимир Иванович Винокуров. Именно эта группа исследователей участвовала в создании показанного на телеканалах НТВ и «Звезда» документального фильма «Легенды армии. Алексей Игнатьев», а также приурочила научно-практическую конференцию к презентации научно-популярной работы В. И. Винокурова «Рыцарь военной дипломатии граф А. А. Игнатьев»⁴ и посвятила в 2017 г. специ-

---

¹ Naissance et évolution du renseignement dans l'espace européen (1870–1940) entre démocratie et totalitarisme, quatorze études de cas/sous la direction du colonel F. Guelton et du lieutenant A. Bicer, préfèce de Ch. Andrew SHD. 2008.

² Cappellano F. [Filippo Cappellano texte, traduction Adam Molho] Les relations entre les armées italienne et française pendant la Grande Guerre // Revue historique des armées. 2008. № 250. P. 53–65.

³ Ганин А. В. Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России // Родина. 2007. № 3. С. 64–69.

⁴ Винокуров В. И. Рыцарь военной дипломатии граф А. А. Игнатьев. М., 2017.

альный выпуск журнала «Дипломатическая служба» ее материалам¹. За исключением статей В. Винокурова, Исаенко, Чурова, — которые в своих текстах приводят отдельные неизвестные ранее факты об А. А. Игнатъеве и его письма (в том числе письмо Сталину о необходимости возрождения кадетских корпусов), большинство опубликованных в этом сборнике материалов являются скорее комментариями вдумчивых и доброжелательных читателей к удивительной книге «Пятьдесят лет в строю». Но появление даже такой публикации отрадно, поскольку в публичном пространстве исторической памяти благодаря книге В. И. Винокурова начали выстраиваться конструктивные и позитивные ответы, противостоящие клеветническому дискурсу, берущему свое начало в одиозных газетных публикациях эмигрантской прессы 1920-х гг.

В заключение можно сказать, что РВАД еще никогда полностью не была, за исключением небольшой статьи автора², объектом отдельного специального исследования. Но при этом в ее фрагментарной по определению историографии наблюдается странный перекокс, который эта книга стремится, хотя бы отчасти, исправить: сбор сведений о противнике был одним из направлений работы РВАД, на котором было занято менее 1% персонала, поддержка прибывших на французский фронт Русских бригад также не была основной задачей русских военных учреждений, но именно этим двум направлениям работы посвящено подавляющее большинство публикаций, так или иначе освежающих историю этой группы учреждений. И дело здесь, скорее, в предпочтениях историков, а не в источниковой (археографической и архивной) базе.

Источниковая база истории РВАД

Рассмотрим источниковую базу истории РВАД: ее современное состояние, историю ее формирования и перспективы ее расширения. К сожалению, фондовых публикаций по истории РВАД до сих пор нет, но существующие публикации можно разделить на две большие группы:

1. Публикации документов, возникших в делопроизводстве РВАД и связанных с ней учреждений.

2. Публикации документов других юридических и физических лиц, в том числе и источники мемуарного характера, содержащие сведения о деятельности РВАД.

1. Первая публикация в группе документов, возникших в делопроизводстве РВАД, была сделана французским экономическим журналистом и юристом Жа-

¹ См.: Дипломатическая служба. 2017. № 3.

² Прозорова В. Б. Деятельность русской военной администрации во Франции в конце Первой мировой войны, как пример адаптации государственных учреждений к экстремальным условиям работы (1917–1918) // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны: материалы всероссийской конференции 22 декабря 1997. М., 1998. С. 105–113.

ком Бонзоном в заключительный период деятельности РВАД в 1924 г. Она содержит выборку из переписки военного агента А. А. Игнатьева с Военным министерством Франции в 1918–1924 гг., предоставленную журналисту неизвестным информатором из военного ведомства. Ж. Бонзон полагал, что эта переписка разоблачает ошибки Военного министерства Франции в подходе к ликвидации РВАД, поэтому он издал ее, снабдив каждое письмо комментариями, близкими археографическим по содержанию. Эта публикация — характерный факт межвоенной эпохи появления «белых», «синих» и других книг, к которым относится и следующая фундаментальная подборка.

Наиболее значимая публикация из первой группы — «Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III» (далее — МОЭИ). Эта фундаментальная тематическая публикация, осуществленная в 1931–1937 гг., инициатором которой был М. Н. Покровский, сделана по фондам центральных учреждений и МИД Российской империи, сохранившимся в архивах СССР. Она содержит как нормативные документы по деятельности РВАД (Конвенции по вопросам военного снабжения и протоколы к ним), так и созданные РВАД документы (донесения русского военного агента во Франции за первые дни войны). Поскольку МИД курировал только дипломатическую составляющую работы находившегося в двойном подчинении военного агента, МОЭИ объективно не могли содержать документы, разносторонне освещающие деятельность РВАД. Лакуны в археографической базе начали заполняться лишь в период перестройки, когда был упрощен доступ исследователей к ранее засекреченным документам. С точки зрения истории археографии этой поры примечательно, что письмо генерала А. А. Игнатьева Верховному правителю России А. В. Колчаку, датированное началом 1919 г., было опубликовано дважды — А. В. и И. М. Смирновыми¹ в 1992 г., затем В. Г. Хандориным — и оба раза стало сенсацией. Этот документ объясняет многое как в А. Игнатьеве-мемуаристе, так и в сложном положении РВАД в то время.

Необходимым, но недостаточным дополнением к данной публикации стал опубликованный в журнале «Исторический архив» в 1996 г. отрывок из доклада одного из сотрудников Русской военной миссии при GQG В. В. Кривенко². Несмотря на важность введения в научный оборот именно аналитических документов РВАД, нельзя не отметить несовершенство справочного аппарата данной публикации, в частности, ряд неточностей в предисловии к ней.

¹ Неизвестное письмо известного генерала (граф А. А. Игнатьев — адмиралу А. В. Колчаку) // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 108.

² Командный состав французской армии. Из доклада начальника Русской военной миссии во Франции. 1915 г. / введ. и коммент. В. Б. Прозоровой // Исторический архив. 1996. № 2. С. 187–192.

Нельзя не упомянуть, что С. С. Попова подготовила научную публикацию «Заметок о положении русских солдат во Франции» бывшего начальника военно-санитарной службы Тылового управления А. Н. Рубакина, которые впервые были напечатаны 18 сентября 1919 г., через три месяца после его прикомандирования к лагерю репатриантов¹, и могли содержать материалы, ранее использованные им для докладов по службе.

Переписка РВАД с французскими властями была частично опубликована в очень интересной подборке, подготовленной В. Н. Карповым и В. А. Авдеевым в качестве дополнения к первому русскому изданию мемуаров П. А. Игнатьева (1999), которую мы рассмотрим ниже.

Наконец, кропотливо исследовавший биографию Н. С. Гумилева Е. В. Степанов включил в текст своей документальной хроники «Поэт на войне» (2014) один из последних нормативных документов РВАД — Инструкцию дежурному офицеру по русским военным учреждениям Парижа, а также избранные в соответствии с темой исследования фрагменты переписки Е. И. Раппа, М. И. Занкевича, А. А. Игнатьева за июль 1917 — январь 1918 г.² К сожалению, при публикации этих представляющих большой интерес документов не были соблюдены даже минимальные археографические требования.

Таким образом, три нормативных документа, часть аналитического документа, приданная огласке служебная записка и незначительный процент служебной переписки за разные периоды деятельности — это все, что было опубликовано из делопроизводственных материалов РВАД.

2. В публикациях по истории экономических отношений документы из архивов РВАД служили лишь источником извлечения цифр и таблиц, как это было в публикации о военных поставках стран Антанты 1955 г.³ Публикация «Французские армии в Великой войне» была слишком нацелена на историю оперативного искусства, чтобы содержать документы по истории собственно военных учреждений.

Позже историки спецслужб, имевшие доступ к документам 2-го бюро ГШ Франции, хранившимся в Особом архиве, стремились использовать любую возможность для публикации документов, освещающих условия работы Павла и Алексея Игнатьевых во Франции, и оценку их деятельности французскими коллегами.

Среди опубликованных во второй группе источников особое место занимает

---

¹ В плену у союзников. О положении русских солдат и офицеров во Франции / пер. и публ. С. С. Поповой // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 37–39.

² Степанов Е. В. Указ. соч.

³ Военные поставки США, Англии и Франции России при Временном правительстве (март — октябрь 1917) // Исторический архив. 1955. № 3. С. 150–180.

прекрасная подборка из 93 документов «Французская разведка о деятельности графа П. А. Игнатьева», подготовленная по документам 2-го бюро ГШ Франции и Сюрте Женераль замечательными историками В. А. Авдеевым и В. Н. Карповым. Подборка этих документов, большинство из которых относится к 1917–1918 гг. и лишь два — к 1920 г., некогда хранившихся в Особом архиве и возвращенных Франции во исполнение соглашения по реституции, показывает, в каких сложных условиях — от недоверия до плотного колпака наблюдения и перехвата сообщений вчерашними союзниками, завершали свою работу во Франции органы РВАД. Обоснованный выбор и качественный перевод текстов навсегда останется достоинством этой подборки документов, несмотря на некоторый разнобой в составлении заголовков, небольшие археографические недочеты и то, что архивные шифры документов стали неактуальны после передачи фондов во Францию¹. Качественный перевод и публикация сделали эти 93 документа доступными широкому кругу историков. Несколько документов из этой подборки использовались также в качестве приложений при репринтном переиздании работы К. К. Звонарева «Агентурная разведка» 2003 г., для более объективного освещения работы П. А. Игнатьева. Это также является признанием объективной научной ценности публикации, подготовленной В. А. Авдеевым и В. Н. Карповым.

Довольно интересную информацию об А. А. Игнатьеве содержит подготовленная О. Готье-Вуатюррез публикация писем издателя Э. де Налеша².

Источники мемуарного характера

Среди источников мемуарного характера по истории РВАД важнейшее место занимают записки и воспоминания ее руководителей — второй том «Записок» Ф. Ф. Палицына и четвертая и пятая книги мемуаров А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Эти источники очень интересны не только ввиду высокой профессиональной и общей культуры их авторов, но и благодаря тому, что в Первую мировую войну еще не был введен запрет на ведение офицерами записных книжек, и оба автора, правда, в разной степени, воспользовались своими записями, сделанными в момент событий, для их изложения.

«Записки» выдающегося военного администратора генерала Ф. Ф. Палицына, охватывающие период 1914–1921 гг., хранились в архиве Стэнфордского университета и были подготовлены к публикации Ж. Гороховым и А. Корляковым. В отношении второго тома, где освещается деятельность Ф. Ф. Палицына на посту представителя Верховного главнокомандующего при французской Главной

¹ Это произошло потому, что после реституции документы, составлявшие 95% фонда Сюрте Женераль, были пересистематизированы с учетом сохранившихся во Франции 5% документов. Кроме того, в Национальном архиве Франции, дела, не прошитые в делопроизводстве, не прошивают, а листы в них не нумеруют.

² La Première Guerre vue de Paris: la correspondance d'Étienne de Nalèche, directeur du *Journal des Débats* à Pierre Lebaudy, 1914–1918. Accès: Hypotheses Openeditionsearch: <https://naleche.hypotheses.org>

квартире¹, публикаторы сделали абсолютно верный выбор, издав все три варианта текста с научно-справочным аппаратом, имеющим лишь небольшие погрешности. Изданные в 2014 г. «Записки» Ф. Ф. Палицына — наименее подвергшийся авторской и редакторской правке мемуарный источник о деятельности РВАД. Эти «Записки» крупного военного деятеля справедливо пользуются популярностью у историков, не только из-за их «отчетливо дневникового характера», но и из-за личности и масштаба мысли их автора. Поскольку Ф. Ф. Палицын был главой РВАД в один из самых важных периодов ее существования, его богатый служебный опыт позволил ему верно оценить и даже начать исправлять многие проблемы, специфические именно для военной администрации. Даже отрывочные и не систематизированные (поскольку эта часть «Записок» не была закончена) суждения Ф. Ф. Палицына о ошибках в управлении РВАД и о кризисных явлениях представляют огромный интерес. Все высшее и среднее руководящее звено РВАД составляли бывшие подчиненные и младшие коллеги генерала, которых он хорошо знал. Приведем очень верное высказывание Ф. Ф. Палицына, характеризующее его отношение к людям и как начальника, и как мемуариста: «Я любил и люблю людей. Я никогда не сужу их строго. Я знаю, что мы полны слабостей, но у всякого есть свои достоинства, и обязанность тех, кто должен жить с ними и управлять ими, пользоваться для блага дела последними и не давать ходу первым»². Действительно, записывая свои размышления, генерал «не судил людей, а лишь обсуждал события»³, а неллицеприятные оценки некоторых сотрудников смягчались автором по мере редактирования мемуаров. Необходимо подчеркнуть высокую степень информированности автора «Записок» о деятельности РВАД, как в период нахождения на должности представителя Главкомандующего, так и после ухода с нее. О Куртинском инциденте смещённого с поста генерала, по-видимому, информировал сын его друзей и бывший подчиненный Н. Н. Бобриков, принявший активное участие в подавлении восстания, но не получивший за это, в отличие от своих начальников, от знавшего его с детства Ф. Ф. Палицына сурового осуждения на страницах его «Записок». Авторитет Ф. Ф. Палицына среди руководства РВАД был столь высок, что и после его отстранения от дел с ним продолжали в частном порядке консультироваться. Благодаря этому, даже выйдя за штат, генерал Ф. Ф. Палицын до 1921 г. внимательно следил за судьбой русских военных учреждений и войск во Франции, поэтому его записки — источник первостепенной важности по истории РВАД.

Вторым важнейшим источником мемуарного характера по деятельности РВАД в Первую мировую войну являются широко известные воспоминания

---

¹ Палицын Ф. Ф. Записки: в 2 т. / подготовка к публ. А. Корлякова, Ж. Горохова. М., 2014. Т. II. Франция (1916–1921).

² Палицын Ф. Ф. Указ соч. С. 357.

³ Там же. С. 166.

русского военного агента во Франции в 1912–1924 гг. А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю». Из свидетельств самого А. А. Игнатьева и на основании изучения его личного фонда в РГАЛИ можно сделать вывод, что первый вариант воспоминаний был начат не позже лета 1927 г., а закончен в 1928 г. Первая версия мемуаров А. А. Игнатьева была озаглавлена «Франко-русский союз в условиях войны (по отчетам военного атташе)», хотя ее хронологический охват несколько шире, чем участие России в Первой мировой войне, а в тексте много цитат не только из отчетов, но и из текущей переписки военного агента. В этом написанном на французском языке, сдержанном по стилю тексте много места уделено предвоенным программам модернизации французской армии и ходу военных операций. Имеются значительные хронологические пропуски: так, А. А. Игнатьев, рассказав о своей поездке в Париж 2 сентября 1914 г. для спасения архивов, сразу перешел к описанию подготовки вступления Италии в войну в мае 1915 г. Подробнее, чем в позднейшей версии, рассмотрено содействие Русским бригадам во Франции, в частности, проблемы снабжения, лечения и поддержания дисциплины, а также не упомянутые в русскоязычной версии мемуаров Русская база в Лавале, ликвидация Тылового управления этой Базы и Русский легион¹. Первым текстом мемуарного характера, который опубликовал А. А. Игнатьев, были 10 страниц воспоминаний о Русско-японской и Первой мировой войне в сборнике 1927 г. «Чему я научился на войне?»² из серии «Современные тетради». Несмотря на небольшой объем этого текста, замечания А. А. Игнатьева о Первой мировой войне и ее последствиях, позволяющие понять его умонастроение в 1927 г., представляют большой интерес. Возможно, этот опыт стал еще одним шагом к расширению хронологических рамок первоначально задуманных А. А. Игнатьевым мемуаров. По совету Н. Степного, по возвращении автора в Россию первая французская версия воспоминаний была переведена на русский язык, переработана и дополнена, так как ее сочли полезной «для поучения нашей молодежи»³. Наибольшую редакторскую помощь в работе над мемуарами А. А. Игнатьеву оказали его супруга Н. В. Труханова, составившая к ним именную указатель, а также В. Г. Финк, Ю. Б. Лукин и В. В. Вишневский. Именно редактор журнала «Знамя» В. В. Вишневский, по свидетельству В. Финка, предложил для мемуаров А. А. Игнатьева, настолько, судя по подписи, сроднившегося с военной службой, что свое звание он стал воспринимать как часть своей фамилии и идентичности, очень удачное название «Пятьдесят лет в строю». После журнальной версии, книжная появилась в печати в грозном октябре 1941 г. и приобрела большую популярность.

¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 163. Л. 664.

² Ignatieff, général // Ce que j'ai appris à la guerre. Paris, 1927. (Les Cahiers contemporains). P. 41.

³ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Воспоминания русского военного дипломата. М., 1988; РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1.

Весьма сложно оценить А. А. Игнатьева как мемуариста. Полагаем, что первым приближением к этой оценке могут служить те требования к мемуарам, которые он сам сформулировал в докладной записке в Союз советских писателей от 17 сентября 1954 г. Предлагая создать мемуарную секцию Союза, генерал-лейтенант А. Игнатьев признавал, что «мемуарная литература, требующая правдивой летописи», засорена «халтурой», произведениями мемуаристов, «просто приспособляющихся к якобы “поощряемой интонации”, пишущих плохим литературным языком, пользующихся в лучшем случае газетными штампами»¹.

Попытаемся выяснить, насколько А. А. Игнатьеву-мемуаристу удалось соблюсти требования А. А. Игнатьева-редактора. По свидетельству друзей, Алексей Алексеевич обладал огромной эрудицией и был блестящим рассказчиком.

Легкий стиль, которым написана его книга, — ее несомненное достоинство как литературного произведения, но оно мешает работать с текстом как с историческим источником. Большую источниковедческую проблему создает цитирование автором документов РВАД: телеграммы и письма автор цитирует с датами их составления, а отрывки из его отчета о работе во Франции либо расковычены без указания границ цитаты, либо приведены частично, с опущениями, иногда меняющими их общий смысл в угоду авторской концепции. Но это случается реже, чем умолчания — любимый прием А. А. Игнатьева. В силу специфики своей службы, сложности стоявшего перед ним политического выбора и из-за объяснимого желания защитить близких (мать, сестру и брата, оставшихся во Франции), автор обошел молчанием в своем тексте все те факты (например, его колебания летом 1918 г. и работу в интересах СССР после 1925 г.) и многих лиц, от которых тянулись нити из его прошлого к его настоящему. Безусловная уверенность автора в том, что его текст должен быть и будет опубликован, сильно повлияла, прежде всего, на отбор упомянутых фактов, а также на их интерпретацию.

Скажем подробнее о четвертой и пятой книгах этих мемуаров, посвященных деятельности РВАД. Многие эпизоды четвертой книги мемуаров содержат почти не измененные цитаты из «Отчета военного агента», хранящегося в РГАЛИ. От цитирования отчета «Роковые дни» только выиграли, потому что и сам отчет был написан А. А. Игнатьевым в свойственной ему лаконичной, но живой манере. И даже отдельные цитаты телеграмм и приказов не делают этот текст сухим и скучным, а придают ему достоверность. Сохранились в тексте этих книг и некоторые оценки из французских версий мемуаров. Покажем тенденции в их изменении на примере важной в истории РВАД фигуры французского министра вооружений Альбера Тома. В 1927 г. в сборнике «Чему я научился на войне» А. А. Игнатьев писал: в работе с русскими военными заказами, «к счастью, моими союзниками были пылкий темперамент Альбера Тома и освященное возрастом

¹ РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 841. Л. 13.

доверие папаши Рибо»¹. В четвертой книге своих мемуаров А. А. Игнатъев напишет о «безупречной по своей грамотности и выразительности речи» министра-социалиста, о его «работоспособности, живом уме, дерзости решений», признает, что А. Тома поддержал его «борьбу против грабительских условий договора со Шнейдером». Сделанное под нажимом редакторов упоминание о позднейшем «разложении» А. Тома никак не мешает оценить сотрудничество министра и военного агента как положительный опыт.

Больше всего редакторской правке подверглась пятая книга мемуаров. Воспоминания А. А. Игнатъева, изложенные в ней, представляются нам подлинными лишь до весны 1917 г., далее они лишь достоверны: автор описывает реальные факты, давая им в большинстве случаев умышленно неверное объяснение. На первый взгляд эти объяснения очень эмоциональны (во всяком случае, не менее эмоциональны, чем оценки событий 1914–1918 гг. в отчете военного агента за 1912–1919 гг.), а на второй, более пристальный взгляд — эти оценки очень идеологически выверены. Приведем пример описания в мемуарах встречи вернувшегося из России французского министра вооружений А. Тома с русским военным агентом. Вполне возможно, что А. Тома не сообщил союзному представителю «истинные цели своего отъезда». Однако А. А. Игнатъев пишет ему немедленно по возвращении: «Вы догадываетесь, что никто больше меня не ценит очень большой услуги, которую Вы только что оказали моей дорогой стране». Далее военный агент просит о срочной встрече и завершает свою записку примечательной формулой вежливости: «Очень признательный и преданный Вам»². А. Тома действительно принял его на следующий день и сделал все, чтобы полковник А. Игнатъев остался главой Заготовительного комитета. Однако в книге «Пятьдесят лет в строю» мы не видим ни слова о поддержке, которую оказал в те дни А. А. Игнатъеву А. Тома, зато узнаем, что тот долго продержал его в приемной. Там А. А. Игнатъев стал свидетелем неприятного объяснения между А. Тома и группой социалистов, в которую входил «внук Карла Маркса Лонге», после чего для А. А. Игнатъева «любое слово Альбера Тома утратило... навсегда прежнюю силу»³. Предположим, что такая оценка А. Тома вызвана не его короткими, но деловыми отношениями с автором мемуаров, а его работой в Международной организации труда, с которой у СССР были довольно непростые отношения.

Прямая речь автора в пятой книге также производит впечатление много раз отредактированного, и не только самим мемуаристом, текста. Иначе сложно объяснить, почему для характеристики Маклакова Игнатъев, не затруднявшийся в подборе самых хлестких характеристик, вдруг использовал цитату Ленина о Р. Пуанкаре. В этой книге есть всего одна фактическая ошибка — выборы

¹ Ignatieff, général // Ce que j'ai appris à la guerre. Paris, 1927. (Les Cahiers contemporains). P. 49.

² ANF. Fonds Albert Thomas. 94AP/36. Lettre du général Ignatieff à A. Thomas du 24.07.1917.f.1.

³ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 645–646.

12 мая 1924 г., когда пришел к власти Левый картель, датированы 1923 г.¹ К сожалению, эту опisku или ошибку памяти автора редакторы не исправили. Не искажая ни приводимых фактов, ни чаще всего своих слов, А. А. Игнатъев-мемуарист в пятой книге умалчивает о тех фактах, о которых он не счел возможным написать всю правду. Эти лакуны заставляют задуматься и вспомнить курс источниковедения в ИАИ РГГУ: «Умолчание источника — это скрытая информация. Такой документ с полным основанием можно спросить: о чем молчим?»² Фрагментарный характер воспоминаний А. А. Игнатъева о 1918–1919 гг. позволил правильно поставить поисковую задачу и выявить в архивах Франции документы, свидетельствующие о политических колебаниях автора мемуаров в этот период, и лучше понять сделанный им окончательный выбор.

Архивные эвристические исследования были дополнены графологическими. При подготовке этой книги автор проконсультировался с экспертом-графологом Д. А. Смысловым, который, ознакомившись с некоторыми русскими и французскими рукописями А. А. Игнатъева, созданными с 1918 по 1941 г., отметил следующие его характеристики как автора изученных документов: он памятен как на хорошее, так и на плохое, склонен к работе со знаковыми системами, способен быстро находить закономерности и делать выводы в принципиально новых условиях. Автору текста важно выносить суждения о происходящем (экспертные виды деятельности), у него есть чуткость к информации, отработана потребность в нахождении новой информации. Он умеет доходчиво и просто объяснять весьма сложные вещи, склонен к анализу происходящего, при этом для него важно контролировать рутинные рабочие процессы. Почерк служебных документов А. А. Игнатъева также говорит о его эмоциональности, глубинной ранимости и памяти. При этом почерк некоторых документов свидетельствует об очень большом напряжении и усталости их автора.

Слишком просто отбросить мемуарный или эпистолярный источник как «лживый», не пытаясь понять его грани и выяснить, что скрывается за умолчаниями и намеками. Отрадно, что в контексте публикации большого количества мемуаров русских офицеров из поколения А. А. Игнатъева и близких к ним, «Пятьдесят лет в строю» перестали восприниматься как «показательные», «типичные» мемуары той поры, как это казалось на излете советской эпохи³, и обрели в глазах читателя свою яркую индивидуальность. Несмотря на сравнительные недостоверность и неполноту последних (с третьей по десятую) глав пятой книги мемуаров, опыт работы А. А. Игнатъева в должности военного агента беспрецедентно долгий, в очень сложных условиях, его удачи, ошибки и раз-

¹ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 707.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 256.

³ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 278.

мышления о прожитом представляют и в наши дни значительную ценность для всех, кто, как и он, любит нашу Родину.

Среди мемуаров сотрудников РВАД, прежде всего, необходимо назвать воспоминания брата военного агента А. А. Игнатьева — Павла Алексеевича Игнатьева, изданные в Париже в 1933 г. Они гораздо меньше и по хронологическому (1915–1918) и по тематическому (только агентурная разведка) охвату, это довольно типичные мемуары разведчика межвоенной эпохи. Сам П. А. Игнатьев, по данным публикаторов, подготовил только обширные, но «разрозненные заметки, написанные на русском языке», которые его вдова и близкая подруга семьи Кривицкая (неоднократно упоминаемая в донесениях 2-го бюро ГШ) перевели на французский и попросили отредактировать Э. Юнга¹. Первая часть этих мемуаров с предисловием Э. Юнга вышла на французском языке в 1933 г.

В предисловии ко второй части воспоминаний П. А. Игнатьева, вышедшей в 1934 г. на французском языке под заголовком «Перевербовка шпионки», Э. Юнг писал: «Мой друг, полковник Павел Игнатьев оставил множество записей, некоторые из которых совсем недавно были опубликованы. Чтобы собрать другие, разрозненные по нескольким делам, понадобилось больше времени. Одна из этих записей связана с любопытным и волнующим делом о светском шпионаже во время Великой войны; это дело полностью реально, все персонажи существуют или существовали»². Вторая книга также касается только разведдеятельности П. А. Игнатьева и по стилистике не отличается от первой. Сам факт того, что черновые записи к мемуарам были переведены на французский русскими дамами, не являвшимися носительницами языка, а затем отредактированы французским журналистом, отнюдь не позволяют считать этот текст, прошедший несколько этапов подготовки, фальсификацией, как анонсировал в своих публикациях Е. Чуров³. Да, почему-то опера «Борис Годунов» изменила название на «Борис Бодонофф» в книге «Перевербовка шпионки», но это некомпетентность французского редактора, а не небрежность фальсификатора. Хотя полковник Игнатьев 2-й не мог ни раскрывать всех псевдонимов сотрудников, ни написать всего, что он думал о последнем этапе сотрудничества со спецслужбами «приютившей» его Франции (аналогичной фигурой умолчания ограничился в отношении советских спецслужб его старший брат Алексей Алексеевич), его книга представляет несомненный интерес для истории агентурной разведки. Именно поэтому она была переведена на русский язык В. Н. Карповым, снабжена комментариями В. А. Авдеева и издана в сопровождении очень интересной подборки документов в 1999 г. в Москве.

¹ Игнатьев П. Моя миссия в Париже / предисл. к франц. изд. Э. Юнга. М., 1999. С. 3–4.

² Jung E. Préface // Ignatieff, Paul. La Conversion d'une espionne. Paris, 1934. P. 2.

³ Чуров Е. В. Военный дипломат А. А. Игнатьев и «Тайна четырех генералов» // Дипломатическая служба. 2017. № 3. С. 24.

Наконец, необходимо сказать и о воспоминаниях двух рядовых сотрудников РВАД — военного юриста Ю. Лисовского и офицера связи О. А. Перникова. Мемуары Ю. Лисовского, опубликованные лишь частично, интересны его взглядом специалиста на различные нарушения в работе РВАД, но, к сожалению, фрагментарны. Мемуары Осипа (Иосифа) Александровича Перникова (1894–1952) «Моя жизнь и моя удача» были написаны им в пожилом возрасте и изданы после его кончины. Мемуары этого наблюдательного и доброжелательного остролова, прожившего долгую и интересную жизнь, и хорошо понимавшего людей, как правило, привлекают внимание историков русских особых бригад¹. Но справедливо их использование и для истории РВАД, ведь О. Перников был офицером связи между РВАД и бригадами, и кроме того, он включился в работу РВАД в самом успешном в ее истории 1916 г. и работал там вплоть до вступления в Русский легион и отправки на фронт. О. Перников очень точно почувствовал и передал все изменения этой системы учреждений в ходе двух революций 1917 г. и сложнейшего 1918 г. Интересно, что как и его ровесники — советские мемуаристы, Перников также использует в отношении бригад термин «экспедиционный корпус», что, возможно, указывает на его знакомство с советской литературой по этой теме. Хотя свои воспоминания он писал по-французски и для французов: ни советский читатель, ни консервативный русский эмигрант не оценили бы восхищение автора дебатами в Национальной ассамблее, за которыми он следил из дипломатической ложи². Поэтому понятно, что О. А. Перников ничего не написал о своей работе в РВАД после ранения, как и о том, что был непростой зимой 1917/1918 г. одним из доверенных лиц А. А. Игнатьева. Возможно, он испытывал признательность к бывшему начальнику и оценил его личность и деятельность довольно доброжелательно. Связывало ли их что-то помимо доверительных служебных отношений? По данным французской контрразведки, на декабрь 1917 г. поручик Перников, «по уму и цинизму не уступающий полковнику Игнатьеву», «имел доверенность от генерала на получение крупных сумм денег, отправлявшихся Азовско-Донским банком Петрограда», выполнял функции «казначея» военного агента, и в частных доверительных разговорах иногда положительно оценивал действия большевиков и заключение ими немедленного мира³. Был ли О. А. Перников посвящен в финансовые махинации военного агента, если таковые имели место? Во всяком случае, при чтении мемуаров становится понятно, почему А. А. Игнатьев приблизил к себе этого молодого офицера и давал ему деликатные поручения (по-

¹ Чиняков М. К. Влияние Февраля и Октября на офицеров и солдат русских войск во Франции и на Балканах // Революция в России: теория и практика социальных преобразований. С. 91–111.

² Pernikoff O. A. Ma vie et ma chance. Paris, 1953. P. 91.

³ Archives de la préfecture de Police. BA2009 Dossier «Ignatieff famille Paule, Nathalie» (1917–1940). Rapport du Directeur des Renseignements généraux au Préfet de Police du 09.12.1917. f.18.

ездка по госпиталям, где находились русские раненные, увещевание недовольных): поручик Перников довольно верно оценивал людей, умел найти к ним и к решению возникавших конфликтов правильный подход. Перников уговорил одно из подразделений отправить телеграмму поддержки Временному правительству, успокоил в Бресте ожидавших репатриации солдат и матросов, которые не только не захотели говорить с морским агентом капитаном второго ранга Дмитриевым, но и «обещали выдергать ему волос за волосом из его прекрасной черной бороды, если только он предстанет пред ними». Скорее всего, Осип Александрович был не «бухгалтером» или «кассиром» полковника П. А. Игнатьева¹, как казалось, крайне недоброжелательно настроенным к русским разведчикам итальянским коллегам, а переговорщиком лиц, связанных с Азовско-Донским банком, имевшим право использовать определенные денежные суммы в качестве аргументов, тем более что и тогда во Франции было принято вести переговоры за обедом и ужином. Полагаем, что О. А. Перников подозревал, что французские спецслужбы следили за ним, и не отказал себе в удовольствии поквитаться с ними, написав, что «под влиянием представителей Охраны, наблюдавшей за эмигрантами, французские власти привыкли считать интеллигентов подданных царя подозрительными и нежелательными элементами, объединяя их под названием нигилистов»². Скажем сразу, что здесь Перников не прав: французские спецслужбы относились к Охране с меньшим, а после Февральской революции, даже с большим подозрением, чем к политическим эмигрантам, и неоднократно ставили П. А. Игнатьеву в вину использование ее агентов в разведке. За исключением этого, вполне объяснимого после знакомства с архивами Префектуры полиции Парижа, отклонения от исторической истины, мемуары О. А. Перникова достаточно достоверны, а характеристики, которые он дает людям и ситуациям, представляют интерес.

Другие используемые в данной работе мемуары являются дополнительными источниками, помогающими как дополнить вышеназванные, так и оценить степень их достоверности и полноты.

Мемуары офицеров и солдат, служивших в Русских бригадах во Франции, являются важными источниками для изучения успехов и ошибок в организации тыла и снабжения этих бригад, а также работы с их личным составом в ситуации политического кризиса. Для периода ликвидации РВАД и борьбы различных русских военно-дипломатических представительств интерес представ-

---

¹ См. Документ № 7 из подборки А. В. Авдеева «Французская разведка о деятельности графа П. А. Игнатьева» письмо полковника М. Бранкаччо, начальника секретной службы Италии, руководителю 2-го бюро ГШ Франции о деятельности сотрудников П. А. Игнатьева в его стране; Французская разведка о деятельности П. А. Игнатьева // *Игнатьев П.* Указ. соч. С. 182–187; Archives de la préfecture de Police. BA2009 Dossier «Ignatieff famille Paule, Nathalie» (1917–1940). Rapport du Directeur des Renseignements généraux au Préfet de Police du 09.12.1917. P. 18.

² *Pernikoff O. A.* Op. cit. P. 93.

ляют «Воспоминания» военного историка генерала Э. Г. Валя¹, переданные в Архив русской эмиграции в Брюсселе и опубликованные онлайн этой организацией. Будучи зятем и биографом генерала Д. Г. Щербачева, он тем не менее сохранил критический взгляд на его личность и подходы к комплектованию штатов и управлению персоналом. Позиция Валя примечательна тем, что, не веря в успех Белого движения, он сразу выбрал эмиграцию, что не помешало ему сурово осудить политический выбор А. А. Игнатъева, нелестно отозвавшегося о С. С. Погуляеве и ни разу не упомянувшем Д. Г. Щербачева.

Французские мемуаристы также нечасто упоминают представителей союзной России, русского военного агента, представителей Верховного главнокомандующего и подчиненные им учреждения. Мемуары Директора артиллерии генерала Л. Бакэ² были написаны одними из первых — он завершил их в марте 1918 г. и издал в 1920 г. Автор подарил А. А. Игнатъеву свои мемуары, хотя в них очень мало говорилось о помощи руководимого им Управления именно России. В 1920 г. были опубликованы воспоминания аккредитованного при GQG журналиста Жана де Пьерфё, занимавшегося составлением коммюнике. Конечно, эти мемуары, показывающие «внешнюю», видимую прикомандированному штатскому сотруднику сторону работы командования воюющей армии, не могли не раздражать А. А. Игнатъева, написавшего в 1927 г.: «“Любимое дитя Главной квартиры”, как называли меня в тылу, я сохраню вечное восхищение этим “мозгом армии”»³. Русский военный агент не прощал журналисту, во-первых, пренебрежительного отношения к штабным работникам и кадровым военным вообще, а также того, что Пьерфё начал описание представителей союзной русской армии с того, как некоторые русские офицеры, «небрежно развалясь в креслах», слышали звон шпор «появлявшегося к обеду» их руководства⁴. Впрочем, колоритному описанию русских представителей Пьерфё посвятил чуть более страницы.

Мемуары «молчальника» маршала Жозефа Жоффра⁵, изданные впервые в 1932 г., после его смерти, написаны лаконичным языком и снабжены иллюстрациями в виде карт и фотографий. Возможно, при их написании маршал опирался на записные книжки. Он также неоднократно приводит обширные цитаты из служебной переписки и даже целые письма, которыми он обменивался с коллегами и подчиненными. Строгая хронология повествования, редкие отступления

¹ Валя Э. Г. Воспоминания [Электронный ресурс] // Архив русской эмиграции при храме Живоначальной троицы в Брюсселе. URL: <https://memuarist.com/de/members/242.htm> (дата обращения: 13.05.2021).

² Baquet L. Souvenir d'un Directeur de l'artillerie. Lavauzelle, 1921.

³ Ignatieff, général // Ce que j'ai appris à la guerre. Paris, 1927. P. 48.

⁴ Pierrefeu J. de. G.Q.G. Secteur I. Trois ans au grand quartier général, par le rédacteur du «Communiqué». Paris, 1920. Vol. 1. P. 73–74.

⁵ Joffre J. (maréchal). Mémoires du Maréchal Joffre (1910–1917). Paris, 1932. Т. II.

от которой тщательно обоснованы, суховатый стиль изложения, использование (в издании 1932 г.) курсива для тех фраз, в которых автор излагает очень важные для него соображения, подчеркивают стремление автора к объективности. Эмоциональное и субъективное отношение маршала-мемуариста к людям и событиям редко проскальзывает в прилагательных, которыми он характеризует людей, и гораздо чаще в отборе материала — событий и людей, о которых он считает возможным упомянуть. Так, возможно, в пику перешедшему на сторону советской власти А. Игнатеву, Жоффр упоминает его только в связи со своим визитом в лагерь в Мальи 20 июня 1916 г. и убийством Краузе. Зато непростым служебным отношениям с Я. Г. Жилинским Жоффр посвятил почти целую страницу. В 2015 г. Ф. Гельтон опубликовал дневниковые записи генерала Эдмона Бюа¹, скончавшегося в 1923 г. По справедливому мнению публикатора, автор дневника сурово судит и своих начальников, и своих подчиненных², и — добавим, союзников. Э. Бюа начал войну подполковником, был заместителем начальника штаба с июля 1918 г. по конец октября 1919 г., стал начальником ГШ в январе 1920 г. и его деятельность наложила глубокий отпечаток на послевоенную реорганизацию французской армии, на фоне которой происходило свертывание РВАД. Его записи — не только очень интересные размышления и наблюдения, но и иногда, как в случае с совещанием 7 июля 1915 г., — воспроизведение его стенографических записей, ставших основой протокола совещания. Из всего руководства РВАД генералы Палицын и Занкевич не упомянуты в этих дневниках ни разу и встречается очень мало упоминаний о «русских военных агентах» полковниках Игнатеве и «д'Ознобишине». Нельзя не упомянуть высокое качество научно-справочного аппарата этой публикации. Например, в примечаниях Гельтон указывает, что А. А. Игнатьева часто путают с братом Павлом, «русским представителем в МСБ», и объясняет читателям их ошибку³. Но отсутствие во Франции серьезной археографической школы отразилось в том, что публикация дневника Бюа организована Ф. Гельтоном не по периодам деятельности, а согласно материальным носителям источника — тетрадам с записями. А другие французские мемуары о GQG, к сожалению, оказались еще менее информативными для освещения работы РВАД.

Мемуары троюродного брата Алексея и Павла Игнатьевых Б. А. Татищева, написанные, по-видимому, во второй половине 1940-х гг. очень живым и образным языком, опубликованы, к сожалению, только частично. Отрывок, касающийся А. А. Игнатьева, который мы будем использовать в нашей книге, был

¹ Journal du général Edmond Buat [Texte imprimé]: 1914–1923 / présenté et annoté par Frédéric Guelton; préface de Georges-Henri Soutou, Paris, 2015.

² Guelton. F. Présentation // Journal du général Edmond Buat: 1914–1923. Paris, 2015. P. 13.

³ Journal du général Edmond Buat [Texte imprimé]: 1914–1923 / présenté et annoté par Frédéric Guelton; préface de Georges-Henri Soutou, Paris, 2015. P. 135.

прислан самим Борисом Татищевым Ольге Алексеевне Игнатъевой и сохранился в личном фонде Игнатъевых в РГАЛИ.

Наконец, из всех ныне известных воспоминаний других членов семьи Игнатъевых наиболее информативными для раскрытия нашей темы являются мемуары Н. В. Трухановой¹, второй супруги военного агента А. А. Игнатъева.

Разумеется, воспоминания Н. В. Трухановой посвящены в основном ее карьере и творчеству, и не являются самостоятельным источником о деятельности А. А. Игнатъева, хотя бы потому, что их текст жестко скоординирован с мемуарами мужа: одна и та же поговорка «от гусей отстал к лебедям не пристал» для описания периода 1917–1926 гг., изложены только факты, упомянутые в книге «Пятьдесят лет в строю». Если Н. В. Труханова и проговаривается, то только о том, что касается ее: пишет о финансовых трудностях, сообщает, что их свадьба с Алексеем Алексеевичем состоялась в 1914 г., а не в 1918 г., как об этом свидетельствуют документы парижской мэрии. Женщина, не ждавшая, пока ее любимый получит развод, может упрекнуть в этом Наталью Владимировну, но для понимания ее характера и ее книги лучше сделать вывод, что для нее их отношения сразу стали долговременными и серьезными.

Поэтому она и решила усыновить в 1915 г. мальчика, дать ему имя Алексей и вернуться с ним во Францию. Выдавала ли она этого ребенка за сына Алексея Алексеевича, как претендует французская разведка, или не пыталась обманывать профессионального разведчика, мы не знаем. Можно только пожалеть, что семьи с ребенком по каким-то причинам не получилось: маленький Алексей жил с матерью Натальей Владимировной в Сен-Жермен-ан-Ле, в мемуарах А. А. Игнатъева он не упомянут ни разу, и Н. В. Труханова пишет только, что смогла обеспечить «пенсию приемышу до его совершеннолетия», а ведь до его 20 лет он успел получить и советское гражданство. «Приемыша» она не называет даже по имени. После 1935 г. следы Алексея Труханова во французских архивах пока не обнаружены. Хочется верить, что молчание вокруг его имени в мемуарах приемных родителей скрывает не семейный разлад, а судьбу разведчика, о которой, возможно, узнают только будущие поколения историков.

Сделаем важное источниковедческое замечание об умолчаниях в русскоязычных мемуарах. Вызывает удивление тот факт, что не только в «Записках ополченца» Н. Афиногенова (Степного), изданных впервые в 1917–1918 гг., но и в опубликованных в СССР в 1930–1980 гг. мемуарах и автобиографических произведениях куртинцев, ни в книге Р. Я. Малиновского «Солдаты России», ни в «Экспедиционном корпусе» П. Карева совершенно не упоминается А. А. Игнатъев, не только в связи с Куртинским восстанием и созданием Русской базы в Лавале, но и в связи с убийством подполковника Краузе, для выяснения об-

¹ Труханова Н. В. На сцене и за кулисами. Воспоминания. М., 2003.

стоятельств которого он лично приезжал в лагерь Мальи. Возможно, это указывает на вмешательство не внутреннего цензора автора, а вполне реальных советских рецензентов и редакторов.

Несколько другой характер имели умолчания мемуаристов друг о друге и об их отношениях, если автор и упоминаемое лицо оказались по разные стороны от «железного занавеса». Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что писавшие позднее мемуаристы могли как испытать стилистическое влияние ранее изданных текстов (например, О. А. Перников использует понятие «экспедиционный корпус»), так и прямо или косвенно ответить их авторам (как, например, А. А. Игнатъев ответил Пьерфё). В момент написания мемуаров Б. А. Татищева, О. А. Перникова и Э. Валя мемуары А. А. Игнатъева уже были опубликованы. Стоит ли Б. А. Татищеву обижаться, что А. А. Игнатъев упомянул о нем, как дальнем родственнике, тогда как о родном брате Сергее он ни слова не написал? Представляется, что за исключением преднамеренной лжи, не столь важно, принимали ли мемуаристы решение об умолчаниях в своих интересах и интересах других лиц, сколь сама структура этих умолчаний. Мемуары, как и архивы, молчат весьма красноречиво.

Существуют и другие мемуары, как членов семьи Игнатъевых, так и их сотрудников. Они интересны, хотя мало информативны в отношении истории РВАД.

Недостаточность опубликованных источников и печатных справочных материалов для понимания истории группы учреждений, составлявших РВАД, заставляет обратиться к архивным источникам.

Архивы Русской военной администрации во Франции

Уже во время ликвидации Русской военной администрации во Франции (1918–1922) началось постепенное раздробление ее архивного фонда¹, документы которого в настоящее время раздроблены между РГВИА (основная часть), РГАЛИ (наиболее информативная часть) и АВПРИ. Часть этих документов, в основном касающихся мобилизационной работы с гражданами России во Франции и деятельности Военно-осведомительного бюро, вошла в фонд русского посольства в Париже (АВПРИ. Ф. 187).

Фонд № 15304 в РГВИА (сейчас «Русская военная миссия», в момент передачи на хранение — «Управление военного агента во Франции») — основная часть служебного архива РВАД, которая была привезена в СССР и сдана А. А. Игнатъевым в ЦИВИА (РГВИА), где находилась на секретном (специальном) хранении

---

¹ Фонд архивный — совокупность архивных документов, исторически и/или логически связанных между собой, созданных юридическим или физическим лицом в процессе их деятельности. Существуют «фонды учреждений», «объединенные архивные фонды» связанных между собой учреждений, «личные фонды» физических лиц и «объединенные личные фонды» семей.

до 1988 г. Документы представителей Верховного главнокомандующего и Временного правительства при Главной французской квартире, привезенные А. А. Игнатьевым, были выделены в отдельный фонд (Ф. 15234). Дело фонда¹ № 15304, историческая справка на который была составлена в 1942 г., хотя и носит на себе отпечаток «оперативно-чекистских» целей обработки фонда РВАД, но содержит очень интересные справки, отчасти восполняющие недостаток информации, возникший из-за раздробления фонда. Введения к описям фондов учреждений «Управления военного агента», составленные в 1966 г., были уже гораздо менее идеологизированы. Они были интересны, прежде всего, попыткой периодизации истории РВАД на основании ее внутренних нормативных документов.

Личной фонд А. А. Игнатьева (и Н. В. Трухановой), хранящийся в РГАЛИ, № 1403. Именно этот фонд содержит самые информативные и важнейшие (например, итоговый отчет о деятельности военного агента в 1914–1918 гг., письмо с Ж. Клемансо о статусе русских фондов и имущества 1918 г., переписку с Комиссией по русской ликвидации и с П. Жодоном) служебные документы военного агента за 1912–1924 гг., которые он, чтобы защититься от возможных обвинений предпочитал хранить под рукой — на своей частной квартире в Париже, затем в доме в пригороде Парижа, и, наконец, на московской квартире. Интересно, что французские спецслужбы, долго сомневавшиеся в том, что А. А. Игнатьев напишет, а тем более издаст мемуары, были в 1927–1928 гг. хорошо осведомлены о существовании и примерном составе личного архива бывшего военного агента. В некоторых сохранившихся донесениях об А. А. Игнатьеве утверждалось, что «он не написал мемуаров, но просто сохранил множество аттестаций/справок от политических деятелей и крупных промышленников, все они касаются его официальных функций во Франции, его личных качеств и его безупречной честности»². Именно эти важнейшие документы и передала в РГАЛИ вместе с другими созданными и собранными А. А. Игнатьевым документами его вдова Н. В. Труханова. Выявление и изучение дублей документов «служебного» сегмента этого фонда в архивах МИД и Военного министерства Франции подтверждают, что служебный архив почти (см. Приложение № 1, документ № 11) не был «подчищен» военным агентом при вывозе в СССР. Изъятия из него касаются политической борьбы периода ликвидации РВАД (1918–1924), а не работы с военными заказами в 1914–1917 гг.

¹ Дело фонда — внутренний учетный документ государственных архивов, комплекс документов по истории источника комплектования (фондообразователя) и архивного фонда, ведущийся на каждый архивный фонд, объединенный архивный фонд и архивную коллекцию, отражающий историю фондообразователя (физического или юридического лица) архивного фонда, его обработки и использования в данном архиве.

² ANF. 77W 3520. Dossier 839 IGNATIEFF, Alexis 1937–1939.

В ходе уточнения профилей архивов в ЦГВИА (РГВИА) из АВПРИ было передано более 1200 дел, в основном из фонда Военно-осведомительного бюро. В целом этот документальный комплекс остается раздробленным, по отношению к нему не выдерживаются единые принципы описания, что часто затрудняет работу исследователей.

Часть архивов В. Бурцева и В. Маклакова, а также значительная часть архива Заграничного отделения Охраны, сотрудничавшего со службой контрразведки, подчиненной полковнику П. А. Игнатьеву 2-му, и перемешанные с архивами отделения документы комиссии Е. И. Раппа, проверявшей после Февральской революции 1917 г. работу Охранного отделения в Париже, были куплены Гуверовским институтом в 1926 г., описаны в Стендфордском университете и в настоящее время доступны на сайте онлайн-архива высших учебных заведений Калифорнии¹.

Использовались для исследования и фонды учреждений, имевших с РВАД делопроизводственные связи — фонд ГУГШ, штаба Верховного главнокомандующего и управлений авиации и флота; Канцелярии министра иностранных дел и Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД России.

Отдельно необходимо сказать о том, почему и какие документы РВАД и контактировавших с ней юридических и физических лиц, использованные в данной работе, были выявлены в архивах Франции. Очень жаль, что за 100 лет, прошедших после окончания Первой мировой войны, власти Франции, долго претендовавшей на статус ведущей архивной державы Европы, не нашли средств, чтобы провести качественные научно-техническую обработку и описание фондов основных «участников» этого конфликта со своей стороны — французской армии и министерств, позже сложившихся в военно-промышленный комплекс.

Поскольку в серии N «Третья Республика» в Венсенском военном архиве Исторического центра Министерства обороны Франции, помимо документов Русской базы в Лавале и документов «Славянского бюро» 2-го бюро ГШ армии, не удалось обнаружить ни документов, переданных туда на хранение М. И. Занкевичем и П. А. Игнатьевым, ни всей совокупности протоколов Комиссии по русской ликвидации (Комиссии РЛ), пришлось обратиться к фондам французских военных учреждений, контактировавших с РВАД — Высшего военного совета, канцелярии военного министра, бухгалтерии Управления артиллерии и Министерства вооружений, и находившейся под преимущественно французским управлением Русской базы в Лавале. Научно-справочный аппарат серии N за период Первой мировой войны отражает содержание дел приблизительно или не точно и искажает их структуру. Новые, более общие заголовки, присво-

---

¹ 26001. Register of the Okhrana records // Acces: <https://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt538nf189/dsc/#ref324> (08.08.2021).

енные коробкам при описании, либо отражают неполно содержание и заголовки дел, заведенных при делопроизводстве, либо вообще им противоречат. Для историков было бы полезнее, если бы описи содержали делопроизводственные заголовки, довольно четкие и емкие, с точным указанием дат, а не вольный текст обобщений архивистов, не отвечающий требованиям ни одной методической рекомендации или стандарта описания. Фактически серьезная работа с некоторыми частями серии N требует от исследователя начать с составления описи на уровне дел в каждой коробке, сопоставить содержание этих дел, чтобы получить полное представление о фонде или его части, и лишь затем приступать собственно к изучению документов. Мы считаем, что неравноценное, а местами и крайне низкое качество научно-справочного аппарата Венсенского военного архива Исторического центра Министерства обороны Франции стало одной из причин, по которой еще не удалось точно установить судьбу переданных Русским отделом МСБ в начале 1918 г. в создававшийся тогда Венсенский военный архив документов¹.

Впрочем, сходные проблемы встречаются и при работе с хранящимися в Национальном архиве Франции в Пьефитт документами этого периода, в частности, фондом Министерства вооружений и личным фондом Альбера Тома: в недавней публикации Элизабет Гринхал сетовала, что «груда личных бумаг министра, переданных вдовой Тома в Национальный архив, должным образом не была систематизирована»². Однако корреспондентско-хронологическая систематизация переписки министра Вооружений с военным агентом позволяет ориентироваться в этой части фонда довольно быстро, несмотря на отдельные необоснованные включения (например, переписку с «Русским Рено», петербургским филиалом компании или доклад Миссии Бертело, посетившей Вооруженные силы Юга России 14 февраля — 1 марта 1919 г).

Но гораздо более информативными в отношении периода свертывания деятельности РВАД и ликвидации военных заказов и складов имущества оказался архив Банк де Франс, несмотря на то что его подробные и качественные описи ведутся в программе Excel и, как правило, не отвечают требованиям стандарта архивного описания ISAD/G, в частности, крайне редко содержат указание на видовой состав документов дела. Хотя первичная документация с русских казенных счетов и была уничтожена, сохранилась очень богатая переписка по всем спорным вопросам этой процедуры. Фонды политических деятелей, контактировавших с РВАД или с военным агентом А. А. Игнатьевым, а именно,

¹ Прозорова В. Б. Раздробление фондов Русской военной администрации во Франции после Первой мировой войны: причины, следствия, инструменты исправления и уроки // Архивы и война. К 75-летию победы над фашизмом. Минск, 2021. С. 104–114.

² Гринхал Э. Альбер Тома и координация союзниками производства вооружений // Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 29.

А. Тома, А. де Монзи, Ж. Клемансо не содержат интересных документов по нашей теме.

В архивах МИД Франции наибольший интерес представляет переписка Европейского отдела Департамента политических и торговых дел, а также его «Службы по русским делам» с посольством и военным агентом России, а также с руководством Комиссии РЛ. Поскольку в МИД Франции, благодаря сохранению в делопроизводстве системы столов, всегда сохранялся правильный подход к формированию дел, архив имеет качественные описи на уровне дел, пусть и не соответствующие стандарту ISAD/G. Изучение этих дел позволяет восстановить механизмы решения как общих «русских вопросов», так и частного вопроса ликвидации РВАД французскими министерствами, в особенности за период, когда А. Мильеран совмещал должности премьер-министра и министра иностранных дел. Особенный интерес для изучения РВАД и взаимоотношений с фактически признанными «белыми» правительствами представляет коллекция протоколов Комиссии РЛ.

Наконец, скажем и об архивах учреждений, задачей которых было не контактировать с РВАД и ее персоналом, а информировать французскую власть об их деятельности.

Надзорные дела Префектуры полиции Парижа, кратко озаглавленные фамилией лица или группы лиц (семьи), попавших под надзор, гораздо содержательнее с точки зрения непреднамеренной информации о служебных отношениях, конфликтах, демаршах персонала РВАД, поэтому они довольно широко использовались в данном исследовании. Лишь некоторые из этих документов (как первичных, так и сводных) были переданы Службе общей безопасности (далее — Сюрте Женераль, поскольку термин известен). Фонд Сюрте Женераль, восстановленный и пересистематизированный в Национальном архиве Франции (ANF) после реституции документов из России¹, содержит как аналитические записки, так и первичную оперативную информацию, которая была расценена как значимая для министра. Эти дела содержат интересные оценочные суждения, но мало конкретной информации. Дело П. Игнатьева фактически объединено с делом одного из его подчиненных А. Арбатского, которого П. Игнатьев, по мнению французов, завербовал для советской разведки в 1923–1924 гг. Дела Ольги и Сергея Игнатьевых не содержат никакой новой информации по сравнению с делами о них в Префектуре полиции Парижа. Но самое интересное — в открытых для доступа архивах Сюрте Женераль дело на А. А. Игнатьева после 1924 г. крайне неполное, чему есть два объяснения. Либо Префектура полиции Парижа следила за А. А. Игнатьевым до самого отъезда

---

¹ Дело П. Игнатьева, хранившееся в ЦГДА, в настоящее время находится в Национальном архиве Франции под шифром ANF 19940453/8 Fichier central de la Sureté nationale: dossier individuel Ignatieff Paul.

из Франции и, как видно из документов, не теряла связи с контрразведкой, которая в конце 1920-х гг. включила дело бывшего военного агента в блок дел и расследований о советском Торгпредстве. Эта тематическая классификация могла привести к тому, что эти документы об А. А. Игнатъеве не попали в руки немцев, а затем советских архивистов. Либо же часть документов из этого дела была изъята во время хранения в ЦГАО и по-прежнему является частью все еще засекреченного дела А. А. Игнатъева в архиве ФСБ России. В местных архивах Франции документов об Игнатъевых немного: в муниципальном архиве Парижа и архиве департамента Ивлин были собраны данные о контактах А. А. Игнатъева, П. А. Игнатъева и их близких с французской местной администрацией.

За исключением опубликованных Н. В. Карповым и В. А. Авдеевым документов, большинство документов из фондов французских архивов используется в исследовании по данной теме впервые. Полагаем, что данная историографическая и источниковая база является достаточной, хотя и не исчерпывающей для решения поставленных в этой работе исследовательских задач.

ГЛАВА I

ПОЛНОМОЧИЯ, ФУНКЦИИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОГО АГЕНТА ВО ФРАНЦИИ ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Тут же, на посту военного агента я был сам хозяином
своего времени, своей работы.*

А. А. Игнатъев

Военные агенты как «постоянные представители военного ведомства при российских посольствах» в ряде европейских стран известны с 1810 г. Как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», именно тогда военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли добыча секретной военно-политической информации за рубежом впервые была поставлена на регулярную, профессиональную основу. В 1815 г. функции военных агентов (атташе), формировавшиеся, по мнению отдельных исследователей с XVII в., были утверждены в дипломатической традиции постановлениями Венского конгресса¹. И хотя впервые Россия «обменялась» назначением военных агентов в 1815 г. с Великобританией, уже в 1-й половине XIX в. стала постоянной и должность русского военного агента во Франции².

Следующей важной вехой в истории внешней разведки стало утверждение в 1856 г. первой Инструкции о работе военных агентов.

Военные агенты находились в двойном подчинении — МИД (через посольство в Париже), с одной стороны, и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), с другой. В МИД непосредственно решались лишь вопросы утверждения кандидатур военных агентов (подробнее см. Главу IV), которых подбирало ГУГШ.

Военный агент подчинялся российскому послу в стране своего назначения, поскольку тот являлся главой российского дипломатического корпуса в данном государстве. В ГУГШ военными агентами ведало Особое делопроизводство Отдела генерал-квартирмейстера Генерального штаба. На фоне развития и усложнения международных отношений, складывания системы союзов, регламентация деятельности военных агентов резко усложнилась ко второму десятилетию XX в.

Права и обязанности военного агента, его служебные контакты с администрацией страны пребывания, последовательность его действий в определен-

¹ Похлебкин В. В. Кто был первым в Европе военным атташе // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 137–138.

² Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / под ред. Е. М. Примакова. Т. 1. От древнейших времен до 1917 г. М., 1999. С. 19 (см. Приложение 1, документ № 25).

ных ситуациях и отчетность регламентировались целым рядом норм различного происхождения.

Во-первых, это общие нормы международного права. Во-вторых, документы о союзнических отношениях с Францией. В-третьих, русские нормативные акты, преимущественно Военного министерства и реже МИД.

Документы, составляющие нормативную базу РВАД, — важнейший источник по деятельности русских военных учреждений во Франции в 1914–1918 гг. Без подробного изучения нормативной базы невозможно понять ни особенности развития структуры РВАД, ни специфические условия ее деятельности. Но необходимо подчеркнуть, что изучение нормативной базы деятельности учреждения в историческом исследовании имеет прикладной характер, в силу которого отдельным ее составляющим может уделяться различное внимание.

Общие нормы международного права (международно-правовые обычаи), определявшие основные принципы международных отношений и дипломатический этикет затрагивали РВАД в той степени, в которой отдельным ее сотрудникам приходилось выполнять функции дипломатических представителей. Эти нормы никак не касались повседневной работы РВАД, а тот факт, что действия ее дипломатического персонала, очень немногочисленного, в этой сравнительно редкой в военное время ситуации регламентировались «Инструкцией для военных агентов», дает нам право отказаться от изучения общих норм международного права как части нормативной базы деятельности РВАД во Франции.

Документами о союзнических отношениях с Францией, регламентировавшими работу военного агента, а следовательно, и РВАД, были Франко-русская военная конвенция и протоколы Совещаний начальников генеральных штабов России и Франции. Конвенция в основном касалась порядка вступления в войну, мобилизации и количества выставляемых сил. Она предусматривала, что «Генеральные штабы будут сговариваться во всякое время для постановки и облегчения приведения в исполнение изложенных выше мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все имеющиеся у них и полученные впредь сведения о войсках Тройственного союза»¹. Эта военная конвенция от 17 августа 1892 г. к заключительному этапу складывания Антанты давно устарела, и обе стороны понимали необходимость ее пересмотра «во избежание постоянного повторения все тех же замечаний и пожеланий в протоколах заседаний начальников Генеральных штабов союзных армий». С формально-правовой точки зрения франко-русский военный союз представлял собой созданную на основании военной конвенции специальную международную организацию регионального масштаба. Периодически собиравшиеся Совещания начальников Генеральных штабов были руководящим органом этой организации, а протоколы этих сове-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 139–140. Цит. по: *Люттов И. С., Носков А. М. Указ. соч. С. 4.*

щений — ее внутренним источником права, обязательным для исполнения членами организации документом¹.

Еще до 1914 г. случалось, что удачное решение сначала вырабатывалось в практике взаимодействия, а потом закреплялось совместным решением союзных военных ведомств. Так 16 (3) августа 1913 г. русский военный министр генерал Сухомлинов и начальник ГШ Франции генерал Жоффр подписали закрепившее уже давно сложившуюся практику соглашение, по которому союзные армии обменивались командированными на летние маневры². Было и чисто историческое обстоятельство, поднимавшее значение протоколов как источников права франко-русского союза. Убежденность обеих сторон в том, что «вопрос о пересмотре конвенции может быть поднят только при наступлении полного политического затишья», помешала переработать этот важный документ до войны, что и делает именно протоколы Совещаний (уточнявшие детали военного сотрудничества), а не Конвенцию, как верно заметил А. А. Игнатъев, «основными документами франко-русского союза»³.

Протоколы нескольких Совещаний начальников Генеральных штабов предусматривали, что в случае войны связь между союзными армиями будет осуществляться через военных агентов, для чего русский военный агент, в частности, должен будет находиться при французской Главной квартире, а французский — при аналогичном органе в российской армии, Ставке Верховного главнокомандующего. Протоколы также подробно регламентировали техническую сторону радиообмена данными между Генеральными штабами, но совершенно не затрагивали других сторон деятельности Русского военного агента во Франции⁴.

Самая большая и содержащая наиболее полную регламентацию деятельности военного агента и РВАД группа источников — российские нормативные документы. 58% из них (7 из 12) были составлены в довоенный период, причем 25% этих документов (3 из 12) касались деятельности военных агентов лишь косвенно и в самых общих чертах. Рассмотрим сначала именно эту группу документов.

Согласно статье 55 «Положения о ГУГШ», утвержденного в 1913 г., военные агенты и их помощники подчинялись генерал-квартирмейстеру ГУГШ на правах начальника дивизии⁵. Их деятельностью руководило Особое делопроизводство Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ. Это делопроизводство также разрабатывало нормативную базу деятельности русских военных агентов за границей в рассматриваемый период.

¹ Chévontian R. Droit des relations internationales. Aix-en-Provence, 1994. P. 118–119.

² РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 163. Л. 84.

³ МОЭИ. Т. 19. Ч. 2. № 359; Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 443.

⁴ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 88; МОЭИ. Т. 20. Ч. 1. № 288.

⁵ РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	11
Глава I. Полномочия, функции и методы работы Управления военного агента во Франции до начала Первой мировой войны.	43
Глава II. Полномочия, функции и структура Русской военной администрации во Франции в 1914–1917 гг.	62
Глава III. Деятельность Русской военной администрации во Франции в 1914–1917 гг.	99
Глава IV. Личный состав Русской военной администрации во Франции в 1914–1917 гг.	168
Глава V. Ликвидация Русской военной администрации во Франции в 1918–1924 гг.	201
Заключение.	369
Вместо эпилога	373
Приложения	390
Приложение № 1. Документы по истории Русской военной администрации во Франции	390
Приложение № 2. Русские военные учреждения во Франции до начала Первой мировой войны	448
Приложение № 3. Русская военная администрация во Франции в августе 1914 — декабре 1915 г.	448
Приложение № 4. Военно-агентурный отдел Управления военного агента в 1914–1915 гг.	449
Приложение № 5. Русская военная администрация во Франции в декабре 1915 — июле 1917 г.	449
Приложение № 6. Структура и подчиненность Авиационной комиссии	450
Приложение № 7. Заготовительный отдел Управления военного агента в 1916 г.	450
Приложение № 8. Отдел Управления военного агента при французском Военном министерстве и Генеральном штабе в Париже («Парижский отдел»)	451

Приложение № 9. Таблица. Количество пунктов медицинского обслуживания для Русских бригад во Франции в 1916 г.	451
Приложение № 9. Схема. Тыловое управление русских войск во Франции 21 декабря 1916 — 19 июня 1917 г.	452
Приложение № 10. Русская военная администрация во Франции в мае — декабре 1917 г.	453
Приложение № 11. Аппарат представителя Временного правительства 15 мая 1917 — 30 января 1918 г.	454
Приложение № 12. Заготовительный комитет в 1917 г.	455
Приложение № 13. Русская военная администрация во Франции в январе — марте 1918 г.	456
Приложение № 14. Схема 1. Русская военная администрация во Франции в апреле — декабре 1918 г.	457
Приложение № 14. Схема 2. Русские военные учреждения и представительства во Франции в сентябре 1918 — 1919 г.	458
Приложение № 14. Схема 3. Русское военное имущество во Франции и его ликвидация после 18 мая 1918 г.	459
Приложение № 14. Таблица. Оклады персонала РВАД в апреле 1918 — марте 1919 г.	460
Приложение № 15. Схема 1. Русская база в Лавале.	461
Приложение № 15. Схема 2. Русские военные учреждения, перешедшие под французскую юрисдикцию	461
Приложение № 16. Заготовительный комитет в феврале 1918 — 1920 г.	462
Приложение № 17. Таблица 1. Личный состав русских военных учреждений и войск во Франции в 1919–1920 гг.	463
Приложение № 17. Таблица 2. Рапорты об отправке в Россию, поданные согласно приказу военного агента 20 мая — 2 июня 1919 г. русскими офицерами, находившимися во Франции	464
Приложение № 18. Количество командированных, принятых Русской военной администрацией в 1914–1917 гг.	464
Приложение № 19. Суммы авансов, переведенных в 1915–1917 гг. на счет Казначейства России в Банк де Франс по соглашению Барка — Рибо от 4 октября 1915 г.	465
Приложение № 20. Выборочная хронология событий и документов из истории русских военных учреждений и их сотрудииков во Франции в 1912–1941 гг.	466
Список сокращений.	520
Именной указатель.	522